ISSN 2345-1734 (Print)
e-ISSN 2345-1742 (PDF)

Rusin
Journal Library

Библиотека журнала «Русин»

2018, 2 (9)

Association "Rus'"
Tomsk State University

ISSN 2345-1734
18002>
9 772345 173008 >

РУСЬ

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала

«Русин»

2018. Volume 9. Issue 2

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Библиотека журнала
Русин

Основан в 2015 г.

Редакционная коллегия:

главный редактор

Сергей Суляк
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия),
Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
(Молдова)

Николай Бабилунга
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Василий Зиновьев
Томский государственный университет (Россия)

Дмитрий Катунин
Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова
Пряшевский университет (Словакия)

Михайло Чучко
Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
(Украина)

**Адрес редакции: Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041. Республиканская общественная ассоциация «Русь».**

Тел.: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2015–2018

Rusin

Journal Library

Established in 2015

Editorial Board

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak
St. Petersburg State University (Russia),
Grigorii Tsamblak State University of Taraclia (Moldova)

Nikolai Babilunga
Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Moldova, Transnistria)

Vasiliy Zinoviev
Tomsk State University (Russia)

Dmitry Katunin
Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková
University of Preshov (Slovakia)

Mykhaylo Chuchko
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Editor's address: Association "Rus'". P.O. box 1041, Kishinev, MD 2028, Moldova.
Tel.: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus'", 2015–2018

СОДЕРЖАНИЕ / *CONTENTS*

Страница редактора **5**
Editorial

Я.Ф. Головацкий
О Галицкой и Венгерской Руси
(Пер. с чешского из «Časopis Českého Museum») **6**
Ya.F. Golovatskii
O Galitskoi i Vengerskoi Rusi (Perevod s cheshskogo iz "Časopis Českého Museum") [On Galician and Hungarian Rus' (Translated from "Czech from Časopis Českého Museum")]

Прикарпатская Русь в политико-национальном отношении **32**
Prikarpatskaya Rus' v politiko-natsional'nom otnoshenii [Carpatho-Rus' in Political-National Relations]

Русско-буковинские дела **44**
Russko-bukovinskie dela [Russo-Bukovinian Activity]

С.Г. Суляк
Вклад М. Штефэнеску в исследования русинской топонимики Карпато-Днестровских земель **61**
S.G. Sulyak
Vklad M. Shtefenesku v issledovaniya rusinskoi toponimiki Karpato-Dnestrovskikh zemel' [The contribution of M. Ştefănescu to the studies of the Rusin toponymy of the Carpathian-Dniester lands]

М. Штефэнеску
Русские элементы в румынской топонимии **66**
M. Ştefănescu
Russkie elementy v rumynskoi toponimii [Russian elements in Romanian toponymy]

DOI: 10.17223/23451734/9/1

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В этом номере «Библиотеки журнала “Русин”» помещен очерк «О Галицкой и Венгерской Руси», опубликованный Я.Ф. Головацким (1814–1888) в чешском журнале «Časopis Českého Museum» в 1843 гг. (XVII. 1. P. 12–52). В 1841–1842 гг. в этом же журнале Я. Головацкий опубликовал свои путевые заметки «Путешествие по Галицкой и Венгерской Руси, описанное в письмах от Я.Ф.Г. к приятелю в Л.» («Časopis Českého Museum». 1841. XV. 2. P. 183–223; 1841. XV. 3. P. 302–317; XV. 4. P. 423–437; 1842. XVI. 1. P. 42–62). И если путевые очерки в свое время были переведены на украинский и частично на русский языки, то его очерк «О Галицкой и Венгерской Руси» по каким-то причинам оказался невостребованным. В 1844 г. большая часть работы (P. 12–41) была переведена А.В. Старчевским (1818–1901) и опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения». Данный перевод мы напечатали в «Библиотеке журнала “Русин”».

Также в этом номере размещены статьи «Русско-буковинские дела» из журнала «Русская беседа» за 1895 г. и «Прикарпатская Русь в политико-национальном отношении» из приложения «Благовест» к вышеназванному изданию за 1895 г. В них содержатся интересные сведения об истории региона, острой борьбе между русским и украинофильским движениями. Авторство в статьях не было указано.

Впервые на русский язык переведена статья известного румынского слависта профессора Ясского университета М. Штефэнеску «Русские элементы в румынской топонимии». Эта статья является разделом докторской диссертации «Русско-русинские элементы в румынском языке и давность их бытования» («Elementele ruseşti-rutene din limba românescă şi vechimea lor»), которую Штефэнеску защитила в 1923 г.

С.Г. Суляк,
главный редактор журнала

УДК 94(436).07+94(477)
UDC
DOI: 10.17223/23451734/9/2

О ГАЛИЦКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ РУСИ (Пер. с чешского из «Časopis Českého Museum»)

Я.Ф. Головацкий

Резюме

А.В. Старчевский (1818–1901) – русский журналист, энциклопедист и знаток европейских и восточных языков. В 1844 г. он опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» статью «О Галицкой и Венгерской Руси». Материал был взят из журнала «Časopis Českého Museum» и переведен с чешского языка. В нем в 1841–1843 гг. печатались очерки Я.Ф. Головацкого «Путешествие по Галицкой и Угорской Руси» (Časopis Českého Museum. 1841. XV. 2. P. 183–223; 1841. XV. 3. P. 302–317; XV. 4. P. 423–437; 1842. XVI. 1. P. 42–62) и «О Галицкой и Венгерской Руси» (1843. XVII. 1. P. 12–52).

В очерке «О Галицкой и Венгерской Руси» приводятся интересные сведения по географии, истории и этнографии Галицкой, Буковинской и Венгерской Руси. Часть очерка (1843. XVII. 1. P. 12–41) была переведена на русский язык А. Старчевским.

Ключевые слова: А.В. Старчевский, Я.Ф. Головацкий, русины, Галиция, Буковина, Угорская Русь,

ON GALICIAN AND HUNGARIAN RUS' (Translated from "Czech from Časopis Českého Museum")

Ya.F. Golovatskii

Abstract

A.V. Starchevsky (1818–1901) – Russian journalist, encyclopaedist and connoisseur of European and Oriental languages. In 1844 he published an article "On Galician and Hungarian Rus'" in the "Journal of the Ministry of National Education". The material was taken from the journal "Časopis Českého Museum" and translated from the Czech language. In 1841–1843 it printed essays "Journey through Galician and Hungarian Rus'" by Ya.F. Golovatskii (Časopis Českého Museum. 1841. XV. 2. pp. 183–223; 1841. XV. 3. pp. 302–317; XV. 4. pp. 423–437; 1842. XVI. 1. pp. 42–62) and "On Galician and Hungarian Rus'" (1843. XVII. 1. pp. 12–52).

The essay "On Galician and Hungarian Rus'" contains interesting information on the geography, history and ethnography of Galician, Bukovinian and Hungarian Rus'. Part of the essay (1843. XVII. 1. pp. 12–52) was translated into Russian by A. Starchevsky.

Keywords: A.V. Starchevsky, Ya.F. Golovatskii (Golovatsky), Rusins, Galicia, Bukovina, Hungarian Rus'.

Географический взгляд

Почти из средины Европы тянутся с запада на восток высокие горы, составляющие продолжение величайшего хребта Европейских гор и оканчивающиеся на юге (у Дунайского бассейна) полукругом. Эти горы уже в глубокой древности были известны под названием ὁ Καρπάτης δρος, Carpathici montes и до сих пор удержали это имя в ученом мире. В народе, в них обитающем, они имеют различные местные названия. Словаки и польские горалы называют их Татрами (Tatry) или просто горами; у русских[1] горцев, обитающих на всем пространстве, лежащем по обе стороны Карпатских гор, начиная от Попрадского низовья (откуда начинается их верхняя отрасль, проходящая до самой венгерско-галицкой границы и источников Тисы и Сочавы в седмиградских Карпатах), они вообще именуются горбами, холмами, верхами и т. д. (horby, werchy, dily, berda, połoniny, гуру (срав. древ. Pinai)); но более известнейшее имя их есть *Бескид* (Beskid), по-польски и по-славянски *Бещад* (Béščad)[2]. Русские летописи также упоминают о них, называя их общим именем *горы* или совсем неправильно — *Кавокаские* горы (Kawokaskija hory). В «Слове о полку Игореве» они названы Угорскими горами.

Карпатские горы до того места, где прекращается русское население, заключают три системы вод: первая из них разграничивается главным хребтом и заключает бассейн реки Тисы или Дуная на юг от северного и восточного склона вод (stoku); вторая отделяется отраслью главного кряжа гор одинаковой высоты с горой Шереником

1. От слова *русин* правильно производятся прилагательное *русский* (rusky), но никогда *русинский* (rusinsky), так как *литовский* от *литвин*, *славянский* от *славянин* и т. д. Однако в этом рассуждении мы оставили и то, и другое, как было написано. Впрочем, *русский* здесь то же значит, что и *русинский* (ruthenisch, ruthenicus). *Ред.*

2. На вопрос, где находится *Бескид,* простолюдин вам ответит, что *Бескид пересекает Дунай в двух местах,* также Бескидом называют целую цепь гор, идущих от австрийских пределов вниз г. Бретиславля (Бреславля) (где они действительно начинаются) до самой Валахии. Валахи горы свои называют «мунты» (munty), а своих горцев — «мунтяны» (muntiany).

(лежащей под 49° север. широты): эта грань идет сначала на север и потом поворачивает к востоку. Ею разделяются воды, текущие в Сан и Вислу, от вод, принадлежащих к Днестровской системе.

Река Днестр имеет свои источники в одной отрасли Карпатских гор, протекает 62 мили и входит в пределы Русской империи. Притоки ее, которые также вытекают из Карпатских гор, суть *Быстрица* с *Тысменицей, Колодница, Стрый с Опором, Бряжка* с *Свицей, Сивка, Чечва* (Čečwa) с *Ломницей, Луква, Быстрица* с *Вороною* и другие небольшие реки. С левой стороны Днестра впадают *Щирчик* (Čirčik), *Зубра, Бобрка, Свирь, Гнилая Липа, Коропец, Золотая Липа, Стрыпа, Джуринка* (Džiurinka), *Дупа, Середь, Никлава* и пограничная река *Збруч* (Zbruč), которая бог знает почему названа во всех немецких географиях *«Подгорце»*. К восточному скату принадлежат *Прут* с притоками своими: *Лучкой, Пистинкой, Рыбницей, Белым* и *Черным Черемошем* (Čeremošem) и другими речками; *Серет, Сучавица* и *Молдава,* коих верховья находятся в Буковине. Главнейшие реки Галиции, текущие в Вислу, суть *Буг* и *Сан* (по-русски Сян). Источник Буга находится в Подгорецких горах в селении *Верхобужье*[1]; река эта, протекая сначала на север, принимает *Пелтву* (возле Львова), Рату с *Каменкой* и *Солокию*. Недалеко от источников Буга находятся также верховья *Стыра* и *Иквы*, притоков реки Днестра. Река *Сан*, главнейшая из притоков Вислы в Галиции, берет свое начало в селении *Сянки* и принимает с правой стороны *Вигор* (по-польски Wiar), *Вышенку* и *Любачевку*, а с левой — *Стеревяж* (по-польск. Strwiaž) и *Вислок*.

На южном скате Карпатских гор *Тиса* принимает в себя все воды, текущие из восточных частей их. Она берет свое начало в самом углу между Карпатами, венгерскими и трансильванскими горами; здесь источники ее называются *Белой* и *Черной Тисой*; протекая сперва с севера на запад, она принимает *Бертанскую реку, Талабор, Агу (Agh), Боржаву* с *Чародой, Вуг* (Ungh) с *Турой, Турицей, Лютой, Лаборцей, Ондавой, Орликом* и т. д., потом поворачивает к югу и, протекши степи, вливается в Дунай.

Исторический взгляд

Страна, прилежащая Карпатским горам, знаменита в истории. Уже в глубокой древности она была путем, которым нахлынули на Европу многие тысячи народов. Об этот полукруг гор, как о морской утес, разбивались приливы диких орд, подавлявших друг друга во

1. Не в Кругове, как повествует Длугош в своей «Хронике», а за ним все географы до нашего времени.

время всеобщего переселения народов от севера и востока. Следуя по течению рек, сему природному проводнику, при столь быстром движении и распространении народов в древние времена одни из них примкнули с востока, достигли низовьев Днестра и Прута и устремились на юг к Дунаю до пределов прежней Римской империи; другие, следуя вверх по течению Днестра или же пришед от севера вверх по реке Бугу, Стыре или Горыни, достигли до распутья вод, перешли на большее возвышение и открыли другие реки, т. е. Сан, а в последствии и Вислу, которая повела их на запад.

Некоторые из них на пути своем перешли даже за верховья служивших проводниками им рек, например, реки Стрыя, и узкими ущельями и теснинами между самыми высочайшими горами достигли до южных стран; но это, кажется, редко случалось по причине неудобств пути. Переходы на другую сторону были только в тех местах, где Бескид более всего понижается, например, при истоках Вислока и Вислоки. Поэтому жители этих мест чаще всего были угнетаемы привалами пришельцев и должны были искать убежища и безопасности в углублениях и ущельях соседних гор, не будучи в силах одолеть могущество прибывших наездников. Они должны были покинуть соху и косу и привыкнуть к пастушескому и странническому быту; но, размножившись и расплеменившись, они вели стычки со своими врагами и принуждены были отыскивать свое прежнее отечество, сражаясь с ними под предводительством предприимчивых охотников, и таким образом добывать победой плодоносные земли.

Каким народом населены были страны, прилежащие Карпатским горам, нам неизвестно; но поселение в них славян так древне, что, по всей вероятности, их можно принять за первобытный народ в сих странах. Нигде летописи не упоминают о том, чтобы славяне имели притязание на сии страны или их заняли, и даже самые древние византийские летописцы находили здесь *славяно-хорватов* (потомков древних карпов, или карпиянов). На севере, по ту сторону Карпатских гор, византийцы полагают *Великую Хорватию* и *Великую Сербию*, откуда вышли *хорваты* и *сербы*, основатели первых славянских союзов (государств) на юге, а, вероятно, и *чехи*, а, может быть, также *дулебы* и *краинцы иллирийские* (срав. слово *Крайна* в Самборской и в Земненской, или испорченной Земплинской, областях — об этом впоследствии). Народ, о котором неизвестно, чтобы он когда-нибудь пришел или занял нынешнее свое отечество, который высылал от себя бесчисленные колонии для заселения новых отдаленных и обширных стран, — такой народ должен был быть древним, должен был прежде сам совершенно возмужать на своих старых жилищах,

одним словом, должен был быть народ первобытный, тем более что он обитал в странах, неудобных для жизни, в горах диких и бесплодных.

По прошествии времени великих движений в переселении народов, когда нахлынувшие орды разлились по всему западу и югу и погибли частью в непрерывных битвах, на театре Восточной Европы появляется могущественное владычество славян, первобытных обитателей этих стран, которых не успели потопить приливы странствующих народов, а только поработили на время. Вдруг составились современные славянские союзы: *Рюриков* в Новгороде (а наследников его в Киеве), *Лехов* в Гнезне, *Ростиславов* в древней Паннонии. Союзы эти возрастали и расширяли свои пределы за счет соседних славянских племен; притом же кажется, что те из соседей, которые были к ним ближе языком, обычаями и происхождением, прежде других присоединились к этим новым вооруженным обществам. Такими соединениями мало-помалу уничтожилась их разноплеменность, и из различных родов и племен медленно возрастал один народ. Такие происшествия должны были иметь большое влияние на карпатских славян (хорватов и других). Они вели жизнь патриархальную, повинуясь своим собственным отам[1] (Otůw) или жрецам (Knezůw), и занимались хлебопашеством и скотоводством, без сомнения, добыванием металлов и соляным промыслом по рекам, имеющим свои источники в этих странах и указывающим им путь к Черному морю, в Грецию и к Варяжскому (Балтийскому) морю; впоследствии они должны были подчиниться иному чуждому управлению, находясь так близко к образованной Греции и имея уже города.

Олег Вещий первый из русских князей во время похода в Грецию (906) имел в своей дружине хорватов как своих подданных или как добровольных союзников. Может быть, что наследник его *Игорь*, собирая по тогдашнему обычаю дань с *древлян,* заходил в соседние

1. Малороссийское слово *вийт* (Wit), или *от,* от коего происходит уменьшительное *отец,* столь общее, что у польских и у чешских славян уже и в древности означало родоначальника, как будто отца. Ныне русины называют *витом* волостного (сельского) судью, поляки же — *вуйтом* (Wojt). Малоросс. *вийт* есть польск. woyt, т. е. немец. Voigt, Vogt, переделанное немцами из лат. edvocatus и перешедшее в польские земли вместе с Магдебургским правом. Таким образом, мр. *вийт* никакой не имеет связи с древнечешским *от* или *отец* прочих славянских наречий. *Прим. ред.*

страны *хорватов*[1]; впоследствии же *Владимир Великий* присоединил эту страну к составу своего государства. Он исторгнул (981) из рук лехов *Червень, Перемышль* и другие города; потом (993) вел войну с самими хорватами, которые, как кажется, хотели сохранить свою независимость. Сын Владимира *Ярослав* снова возвратил города Червенские и построил многие другие[2]; потомки его совершенно укрепились и распространились в стране хорватов, и с того времени, когда род Рюриков начал ею владеть, она присвоила себе навсегда имя *Руси* вместо древнего названия *Хорватии*.

Гораздо скорее устроилось на юге от Карпатских гор могущественное государство *Великоморавское*. *Ростислав* покорил племя моравов, словаков, болгаров и, без сомнения, распространил свое владычество до самых Карпатов, населенных тогда некоторыми славянскими племенами; сии-то славяне были предками нынешних венгерских русинов (русских). В эти страны были призваны князьями *Ростиславом, Святополком* и *Коцелем* славянские апостолы *Кирилл* и *Мефодий* (Cyrill и Method), которые проповедовали святое Евангелие и крестили различные славянские племена, находившиеся под владычеством сих князей. Но сие новое и не укрепившееся еще государство было разрушено в самом своем начале сильным ударом *мадьяров* (907). Этот кочующий народ, обитавший тогда в пустынях, прилежащих устьям Прута и Дуная, был призван немцами на помощь против *Святополка Святополковича*, основал новый союз, и на земле, возделанной кровью и потом славян и освященной духом св. Константина и Мефодия, уральская свирепая орда основала свой могущественный трон[3]. Спасительное деяние св. славянских апостолов было безуспешно: рассеянные толпы народа, ушедшие от меча и грабежей диких варваров, искали убежища в горах и переходили на другую сторону Карпатских гор к своим соплеменникам, и, вероятно, перенесли сюда новые свои понятия; следовательно, христианство проникло и в Хорватию. Нет сомнения, что здесь, по

1. Доказательством сей догадки могут служить имена местечек: *Варяже* (Warjaže) по-польски *Warež,* лежащего в Белзской области, в нынешней Жолкевской, в Галиции, возле самой границы на дороге, ведущей к Белзу от севера, и недалеко лежащее от него селение, называемое *Руссин*. Эти названия принадлежат, по всей вероятности, той эпохе; ибо после Ярослава имя варягов уже исчезло.

2. Город Ярослав на Сане, находящийся в 5 милях от Перемышля, вероятно, получил это имя от сего Ярослава, как и *Владимир Волынский* (от которого произошло нынешнее австрийское *Lodomerien)* — от своего основателя *Владимира Великого*.

3. Slowanské Starožitnosti od P. I. Šafarika 1, str. 807.

причине соседства Греции и окрещенных уже болгаров и моравцев, оно было известно гораздо ранее, нежели (по сказанию летописцев) Владимир окрестил Русь. Сии бежавшие остатки словаков и болгаров, смешавшись с хорватами, составили впоследствии один народ и от своих повелителей приняли имя *русинов*, которое удержали до нашего времени[1].

Княжество Галицкое

Тогда на Бескидах составилась граница трех государств. Русские княжества, лежащие на северо-востоке, должны были иметь сильных и единодушных владетелей и предводителей, чтоб устоять против силы соседей, лехов и венгерцев, и не лишиться сего межевого столба. Княжества Галицкое и Перемышльское имели их действительно, и, несмотря на беспрестанное нападение соседей в продолжение целых трех веков, они удержали свою независимость.

Оба *Ростиславича*[2] своим победоносным оружием утвердили княжеский престол в *Перемышле* и *Теребовле* (Trembowle), наводили страх на лехов и мадьяр, и хотя принимали участие в домашних войнах (на родине), однако храбрый *Володарь* и несчастный *Василько* (лишенный зрения в 1097 г.) держались крепко друг друга. *Владимирко* (Володимирко) перенес свой престол из Теребовля в Галич (1140 г.), в сердце древней Хорватии; его оружие было счастливее отцовского: он господствовал в *Перемышле, Галиче, Теребовле, Белзе, Звенигороде* и *Бужске*. Еще в лучшем состоянии находилось княжество Галицкое при *Ярославе Осмомысле* (от 1135—1187 г.). Его могущественная держава простиралась от реки Сана и Карпатских

1. Удивительно, что имя *Русь*, уже в древние времена вкоренившееся во многих образованных племенах, удержалось до нашего времени, несмотря на то, что племена эти уже столько веков находятся под чужим владычеством; но еще удивительнее, что и народ соседственный, обитающий за Карпатскими горами (в Венгрии), который никогда не находился под русским владычеством, присвоил себе это имя по причине греческого (русского) исповедания. Спросите и теперь всякого простолюдина, исповедующего греческую веру за Днестром, Саном и Попрадом, по Верхней Тисе, Латорице или Вугу, под Черной горой (на Покутье) или у Ломницкого хребта и в Шпише: какой он человек? Наверное, он вам ответит: русин (в Венгрии же — русняк). Какой веры? Русской. Хотя некоторые уже забыли свой язык, однако в дружеских разговорах называют себя Oros emberek (русскими). То же самое должно сказать и о мадьярах греческого исповедания. Так сильно действие веры на мнение человека!

2 Володарь в Перемышле, Василько в Теребовле — оба умерли в 1124 году.

гор до Дуная и Черного моря; он не искал завоеваний, но занимался внутренним управлением и устройством своих земель. Хотя после смерти Ярослава страны эти много потерпели от нападения чуждых народов, завидовавших русским князьям, владевшим землями, так изобильно одаренными природой и столь выгодными по своему положению, однако же вскоре по изгнании иностранцев *Романом Мстиславичем Волынским* (княжившим во Владимире) княжество сие опять поправилось: ибо этот воинственный князь присоединил сию новоприобретенную страну к отцовскому уделу (1188 г.). Он счастливо воевал с лехами, литвой и ятвягами, и слава его оружия разнеслась повсюду. Папа присылал к нему послов и пытался склонить его к римско-католической церкви; греческие императоры просили его помощи и защиты и получали их. Этот *Роман Великий*, или, как его называет летопись, *«самодержец всея Руси»*, предписывал также законы знаменитому тогда Киеву. Но преждевременная богатырская смерть похитила его в 1205 году при Завихвосте, в войне против поляков. Слава Галича опять затмилась на некоторое время; вдова Романова с малолетними *Даниилом* и *Василько*м, будучи отовсюду угнетаема неприятелями, принуждена была искать помощи у соседей, которые всегда имели в виду только свои собственные выгоды. Княжество, терзаемое несогласием и распрями бояр, зараженных западным феодализмом, и угнетаемое иностранцами, пришло в расстройство и все более и более стремилось к упадку. В то время за него взялся *Мстислав*, князь Новгородский (1219), разбил врагов и очистил Галич от чужеземных наездников. *Даниил Романович* достиг (от 1212—1266) мужеского возраста, освободился от чужой опеки, и, возвратив себе владычество, которым пользовался отец его, он действительно мог бы возвысить свое отечество, если бы княжество Галицко-Владимирское не подпало той судьбе, от которой пала вся остальная Русь, если бы ему не было суждено претерпеть все ужасы и все уничижения нашествия татар. Однако же Даниил, испытанный в несчастии, явился великим политиком и после удаления татар увеличил свое государство новыми завоеваниями в Литве, искал союза у соседей, льстил папе и ханам и, хотя не мог предохранить совершенно земли своей от вредного влияния соседства татар, но умел удержать свою независимость, не принимал ханских баскаков (сборщиков податей), не платил податей, не посылал даров и был почитаем более союзником, нежели данником татар. Пользуясь этим, он накликал татар на врагов своего отечества. При всей опасности он возвысил отеческий престол и утвердил его благоразумием, усилил торговлю и промышленность, призвал иностранных гостей (купцов), караимов (крымских евреев), немцев,

вероятно, армян и сербов, и находился в дружеских отношениях с их царем Степаном Душаном (Dušan).

После смерти Даниила могущество государства Галицкого ослабело от разделения его на княжества Галицкое и Владимирское; но *Лев Даниилович*, князь Галицкий (от 1266—1301), шел по стопам отца своего, счастливо воевал с литвой, поляками и ятвягами, перенес княжеский престол из Галича во Львов и, следуя советам мудрых своих дядей и соседей *Василия Романовича* и *Владимира Философа Волынского*, сделал много доброго для своего государства и оставил его на прочных основах сыну своему Юрию (Jurjy Lwowič). Но Юрий был государь слабый, и все, что было сделано знаменитыми мужами до него, погибло в его царствование; а так как наследники *Юрия Львовича* не возвышались духом над своим предком, то королевство Галицкое более и более стремилось к упадку. Притом поставленное обстоятельствами среди сильных соседей, посягавших на его бессилие как на беззащитную жертву, оно лишено было всей возможности поддержать свое существование.

До сих пор Русь не знала никаких гонений за веру (исключая кратковременного владычества венгерцев); но по прекращении дома (рода) Романа Галицкого (1336 г.) Галич перешел в руки *Болеслава Тройденовича*, князя Мазовецкого, который первый был гонителем веры греческой и правил насильственным образом. Но галичане не могли снести его жестокостей и отравили его, как повествуют польские историки. Казимир, король польский, шурин Болеслава, узнав об его смерти, вступил с войсками в Галицию, осадил Львов, взял оба замка (1340), овладел всеми сокровищами, в особенности двумя золотыми крестами, заключавшими в себе частички древа Животворящего Креста, взял дорогую княжескую утварь, пышный трон, две короны и другие драгоценные вещи; оба замка преданы были огню.

Спустя некоторое время Казимир опять появился на Руси, осадил замок и, взяв его, возобновил прежние укрепления и обратил княжество Галицкое в польскую провинцию.

Исторический взгляд на Угрскую Русь

В то самое время, когда княжество Галицкое потеряло свою самостоятельность и обратилось в польскую провинцию, на юге Карпатских гор, по рекам Дунаю и Тисе, образовалось королевство Венгерское. Первый король его *Стефан* принял христианскую веру и союзами с западными государствами, а в особенности с Римом, усвоил себе некоторую степень западноевропейской образованно-

сти. Счастливые войны с соседними государствами еще более утвердили трон мадьяров. Мы уже выше сказали, что на южном скате Карпатских гор еще до пришествия туда мадьяров обитал многочисленный народ славянский, имевший уже города или крепости, о которых даже упоминается в истории, как, например, *Унг* (Ung), или *Вуг* (Wuh) и *Земне* (Zemne), или *Земплин* (Zemplin), кои уже существовали во время нашествия мадьяров. Кажется, что уже тогда христианство успело проникнуть и распространиться далее по высочайшим горам, ибо король *Стефан* учредил епископство только в Западной и Южной Венгрии; но об учреждении подобных духовных должностей в Северной и Восточной Венгрии вовсе не упоминается, следовательно, нет никакого сомнения, что здесь уже со времен Мефодия существовала христианская епархия греческого обряда. Славяне, исповедующие христианскую веру, ничем не тревожимые, сохранили принятую ими веру греческую до самых новейших времен. Наконец, короли венгерские успели покорить своей власти всех славян, обитающих на юге Карпатских гор, и в числе их и предков нынешних угрских русинов. К сожалению, летописи не сохранили для нас ни деяний, ни других каких-либо памятников этих забытых и бесплодных стран. Никто не заботился о несчастных русинах; равнодушные, ненавистные и гордые мадьяро-латинские летописцы считали недостойным обращать внимание на своих сограждан восточного исповедания. Однако постараемся сообщить вкратце все то, что уцелело от древнейших веков о странах, городах и народе этой оконечности Венгерского королевства.

Пропуская то, что Anonymus reg. Belae not. повествует о поселении здешней Руси[1], сообщим только следующие факты: что *Андрей II,* король Венгерский, в 1213 г. подарил рыцарям немецкого ордена землю Боржовскую (Boržowskau), или *Борзсу* (Borzsa), находящуюся в Мармарошской области; что города *Бардов* (Bardow) и *Прешов* (Prešow), по-русски Пряшов (Prjašiw), лежащие на дороге, ведущей к Галичу, известные в древности под названием «Угрских врат», существовали уже в XIII столетии и встречаются у волынского летопис-

1. См. шлецерова «Нестора», часть 3.

ца (Бордуев и Брашев)[1]; что четыре города Мармарошской области — *Вишково* (Wiškowo), *Хуст* (Chust), *Тячово* (Tjačowo) и *Довгополье* (Dowhopolje) — еще в XIV веке (1329) получили свои привилегии от короля Карла I, к которым Людовик I, король Венгерский и Польский (1352), присоединил еще пятый город — *Сигот* (Sihot), или *Сигет* (Szigeth) (как это видно из подлинника, в котором встречаем Villae Marmariae Visk, Huszth, Tacsö, Hoszszumesö); что многие селения или колонии Шаришской области, как то *Тройчаны* (Trojčany), *Стары Ружин* (Stary Ružin) или *О Ружин* (O-Ruzsin), *Байровцы* (Bajrowce), или *Байор вагас* (Bajor vágás) и т. д., упоминаются уже в первой половине XIV столетия как самые населенные; что села *Герынча* (Herynča) и *Липча* (Lipča) встречаются уже в грамоте короля *Матвея Корвина* 1479 года.

Относительно народности кажется, что усилия *Бориса Коломановича*, желавшего возвратить себе венгерский престол, на котором сидел его отец, с помощью русских, немцев и, наконец, греков, в первый раз имели некоторое влияние на здешних славян, и, вероятно, тогда уже по причине взаимных сношений вкоренилось мнение об одноплеменности и общей их вере с Галицкой Русью, в особенности когда во время нашествия татар жители Галиции принуждены были довольно часто вместе с своими князьями искать убежища по ту сторону Бескида. Но еще более удержалось и вкоренилось в Венгрии название Руси и русинов в начале XIV столетия, когда *Феодор Корьятович* (Teodor Korjatowicz), изгнанный из Подолья Ольгердом Великим, князем Литовско-Русским, искал у короля Венгерского *Карла Роберта* покровительства и защиты и получил от него в ленное владение города Мукачево (Mukačevo) и Угвар (Uhwar) с их окрестностями. Сей князь литовский нашел здесь своих единоверцев, т. е. русинов, принял титул князя и положил основание многим

1. Автор прав, полагая, что Бардёв (мадьяр. Bartfa, нем. Barlfeld) есть Бордуев Волынск. лет., с. 178. Нельзя, однако, согласиться с его мнением относительно области Bolzsa. Созвучие обмануло автора. Область Borzsa, данная королем Андреем II немецкому ордену в 1211 (не в 1213 г.), находилась в Седмиградской области на реке, которая у валахов называется *Брса*, у немцев Burze (См. *Voigt* Gesch. Preussens II. C. 85, 125, 143; *Engel* Geschichte der Moldau u Walachey I, 141—144). *Брашев* Волынск. летописи, с. 211, не есть Пряшов (Eperies), но нынешний Cronstadt в Седмиградской области (лат. Brassovia, мадьяр. Brassó). Почему, наконец, автор думает, что Пряшев и Бардёв именовались «Угорскими вратами», трудно догадаться. По Волын. лет., с. 171 и 203, Угорскими вратами называлась *теснина* (не города), которую должно искать не в Венгрии, а в Галиции и Саноцком уезде. *Прим. ред.*

церквам и монастырям греческого обряда. Катона[1] повествует, что граф *Петр Петрович*, владетель Берестанцев (Pan na Bereštáncech), нынешн. *Боростян* в Земплинской области, хотел доставить венгерский престол какому-то русскому князю; но, пораженный воеводой *Давшей* (Dawša), потерял (в 1310) все свое имущество и крепость *Берест*. Не был ли этот граф один из русских вельможей, живших в Венгрии?

Почти во время падения княжества Галицкого, в конце XIV столетия, двинулись валахи — народ, обитавший в древней Дакии и занимавший все пространство земли до нынешней Мармарошской области[2]. Тогда выступили из северо-восточного угла Венгрии нынешние молдаване (multany) под предводительством *Драшка* или *Богдана*, перешли через горы до низовьев рек Молдавы и Серета и, вытеснив оттуда гнездившиеся орды татар, поселились сами. По выходе валахов из прежних своих жилищ поселения угрских русинов подвинулись еще более на восток; галицкие русины также перешли горы и поселились на упраздненных местах между Карпатскими горами и Верхней Тисой. В этом положении угрские русины сохранили свое славянское церковнослужение, свои народные обычаи и мало обращали внимания на политически перемены; их не касались мадьярские войны, которые были известны только одному дворянству (šlechta); защищенные непроходимыми горами и густыми лесами, они спокойно пасли свои стада и по временам на малорослых своих лошадях привозили в города, лежащие на равнинах, сыр (brindzu), шерсть и другие произведения страны.

В XVI столетии в Венгрии и Трансильвании (герцогстве Седмиградском) явно начали выступать на поприще общественной жизни приверженцы Лютера и Кальвина. В то же самое время открылись кровавые междоусобия между императором Немецким и знаменитыми родами *Запольих* (Zapolych), *Вешелиных* (Wešelinych) и *Теке-*

1. Hist. crit., tom IX, стр. 431.

2. О том свидетельствуют имена некоторых селений Мармарошской области, населенных еще поныне русинами, напр. два *Брустуры, Тышора, Марарушу, Барлабаш, Талабор, Трибушены,* и так до сих пор на границах этой области с Трансильванией находятся валахи. Очень возможно, что и в Галиции валахи занимали некоторые страны, после которых сохранились имена многих селений, ныне совершенно обрусевших, напр. *Ферескуле, Шешоры Акрышору, Белелуя, Рунгуры, Брустуры, Уторопы,* (в Колом. област.) и *Дора* (в Станисл. обл.), коих валашское происхождение очевидно. Не позднейшие ли это колонии господарей молдавских (Multanskych), бывших до некоторого времени владетелями Покутья (Pokuti), приобретенного от польской короны?

лиев (Tökölych), продолжавшиеся около двух столетий. Эти гордые магнаты отдались в покровительство Турции, чтоб получить власть над Венгрией, и произвели то, что области, в которых обитали русины (Марморошская, Бережская, Шаришская, Угварская и Земненская), были отторгнуты от Венгрии и присоединены к княжеству Седмиградскому и таким образом вместе со всей Южной Венгрией приведены в подданство турецких султанов. Но интриги *Запольих, Бочков* и *Бетленов* в самой сущности мало имели влияния на мирных русинов, хотя берега Тисы и окрестности крепости *Мукачева, Хуста, Сатмара* и др. были беспрестанно театром войны. Толпы вооруженных турок, помогавшие этим похитителям власти (Usurpatorum), охотно рыскали по роскошным берегам Тисы, равнодушно смотрели на страну русинов, лежащую между горами, и весьма редко появлялись в сих непроходимых оконечностях Венгрии. Еще менее влияния имела на русинов Реформация, которая, однако, в Венгрии и княжестве Седмиградском распространилась с большим успехом. Приверженцы Лютера и Кальвина с усердием занялись распространением нового исповедания, множество мадьяров, словаков и немцев последовали этому новому учению; одни русины и валахи не усомнились в вере своих предков, остались верными своей православной церкви и равнодушно смотрели на все эти бурные происшествия. Они не участвовали в распрях, происходивших между римскими католиками и протестантами, ни в религиозной войне между фанатиками обеих сторон; над ними не тяготело бремя жестокого бесчеловечия, коим исполнена история XVI и XVII веков, и которым помрачены зачинщики сих религиозных войн. Под назиданием своих русских епископов, именовавшихся прежде «епископами Мукачевскими, Угварскими, Прешовскими, Маковецкими и всея Угрския Руси», они и слышать не хотели о новых религиозных мнениях и навсегда остались только немыми свидетелями тогдашних времен.

Самым важным происшествием для Угрской Руси было введение унии с Римской церковью в XVII столетии. *Афанасий Купецкий*, принявший унию в 1610 г., еще при жизни епископа Перемышльского *Михаила Копыстенского* (‡1612), не соглашавшегося на сие соединение, назначен был на его место в Галиче; но, не принятый противниками унии, управлял только Мукачевской епархией (Diecezi) и первый пытался подчинить эту епархию папе; однако ему не удалось достигнуть своей цели. В последствии времени, по прошествии нескольких десятков лет, мукачевский епископ *Василий Тарасович* изъявил желание присоединиться к римской церкви, но не нашел подобного сочувствия между русскими князьями и будучи пресле-

дуем *Юрием Ракоци*, воеводой Седмиградским (протестантом), возвратился опять к восточной церкви. Впоследствии же, будучи почтен от императора Фердинанда III титулом патриарха Мукачевского, в 1649 году он опять оставил восточную церковь, подчинился папе, привлек на свою сторону 63 священников, последовавших его примеру. Но все эти усилия не могли утвердить связи с Римом, и уния еще не последовала. Только в 1690 г. достигли решительного утверждения ее на церковном соборе (сейме) в Зборове (местечке Шаришской области) через содействие *Исайи*, архимандрита Трапезундского, и *Иосифа Камиллиса* (Camillis), епископа Севастийского (in partibus), посланных папой единственно для сей цели. Когда *Иосиф Камиллис* был наименован мукачевским епископом, духовенство и народ, видя, что им предоставлены все прежние церковные обряды и богослужебный славянский язык, подчинились его власти.

Галич под владычеством Польши (воеводство Русское)

Обратимся теперь на север Карпатских гор. Еще долго после завоевания Галича Казимиром, королем Польским, соседние государства спорили об этой прекрасной стране. Казимир мечом защищал свою добычу против татар и Любарта Литовского; но с *Земовитом Мазовецким* и *Людовиком Венгерским* он действовал как дипломат, пока совершенно не удержал этой страны за собой; именно он обещал венгерцам 100 000 золотых, усилия же литовцев, желавших приобрести это русское княжество, были тщетны. Известно, что галицкие русины обещали повиноваться Казимиру с условием, что вера их предков и прежние права будут неприкосновенны. Помня это, Казимир оставил им славянский обряд и древние отечественные права, тем более что сильные страны, находившиеся под владычеством *Дашка*, старосты перемышльского, и *Даниила Острожского* (z Ostroha), старались, хотя тщетно, низвергнуть иго, наложенное на Русь. Чтобы удержать эти страны за собой навсегда, сей король занял города немецкими войсками, поддерживая при этом немцев и евреев, утвердив за сими последними древние привилегии и льготы и даровав новые; этим евреи получили на Руси значительный перевес, и вся промышленность, которой прежде занимались мещане, перешла в их руки.

По смерти Казимира *Людовик* соединил (1369) корону польскую и венгерскую вместе, населил галицкие города венгерским гарнизоном и поставил в них своих старост (банов); но, мало заботясь о втором своем королевстве (т. е. Польском), а тем менее о Галицкой Руси, передал их в управление *Владиславу*, князю *Опольскому*,

своему наместнику (prorex), который назывался «князем русским» и управлял сими государствами как самодержец. В царствование Людовика (1375) основана была Галицкая римско-католическая епархия (архиепископство) и епископство Перемышльское вместе с русско-славянскими епископствами, уже издревле там существовавшими. Царствование сего короля еще и тем сделалось памятным, что он даровал дворянству многие привилегии и льготы, что было главной причиной необузданного своеволия сего класса народа в позднейшие времена. Уже в самом начале польского владычества и введения римской веры на Руси стал туда вкрадываться и язык латинский как язык господствующий и образованный; ему должен был уступить мало-помалу язык народный, и этим самая народность остановлена была в дальнейшем своем развитии. Под управлением чужеземцев, помогавших прежде всего соотечественникам, города чуждались русских нравов и мало-помалу теряли своих русских обывателей. Еще большее ограничение и вред претерпевала русская набожность и церковнослужение во время *Владислава Ягеллы*. Этот новокрещенный король всячески старался выказать свое усердие к римской церкви. Не имея права делать реформ ни в Литве, ни в русских областях, с нею соединенных и управляющихся прежними собственными правами и обычаями, он обратил свое внимание на ослабевшую Галицкую Русь, сделавшуюся Польским воеводством и подчиненную польским законам, уничтожил ее права и ограничил народные обычаи. Большая часть латинских церквей, еще поныне существующих в восточной части Галиции, основаны в его царствование. Он первый запретил браки между русскими и римскими католиками; постановил на сейме в Городне, чтобы все достоинства и должности были даваемы только дворянству римского исповедания, и чтобы русское дворянство навсегда от них было устранено. Засим последовало обращение русских церквей в римско-католические костелы, при совершении чего мертвые тела русинов, покоившиеся в гробах, церквами выбрасывались[1].

Польское духовенство не хотело признавать русинов за христиан и крестило их вторично при переходе в латинский обряд. Короли отбирали от русских епископов имения и все достояние, отдавая их латинским. То же самое происходило и с имуществами русских владельцев[2]. Дворянство при владетелях из дома Ягеллова все более и более усиливалось и приобретало большие привилегии и права:

1. Dlugosz, стр.334. Grondski historia belli Cosacopolonici. Pest. 1789. Pars II, pag. 239.

2. Cromer, de orig. regni Pol. Besileae 155, pag. 424. Dlugossii Hist. Pol. Lips. 1711, pag. 582 et seqq.

напротив того, участь мещан и земледельцев была тяжкая. Поэтому простой народ покидал свои дома и толпами бежал на Украину *(на слободу, на волю)*. Своеволие и насилие дворянства, управляющего независимо своими поместьями, притеснения, чинимые мещанам, частые нападения татарских наездников и беспрестанные войны с турками и татарами разоряли и опустошали русские области, а слабые короли беспечно смотрели на этот всеобщий беспорядок и всеобщее несчастье. Никто не защищал отовсюду отверстой, доступной врагам Русской земли от нападения диких азиатцев; тысячи мужественных русских воинов падали в битвах за отечество от меча бесчисленных басурманов; в них погибла большая часть русских знатных родов[1]. Тысячи русских мучились и стонали в тяжких оковах у неверных[2]; король же и его польское дворянство занимались охотой и беспечно веселились за оградой русских, тогда как русская кровь лилась за них и за всю Европу. Только в царствование обоих Сигизмундов (от 1506 — 1548 и до 1572) Русь насладилась несколько счастливейшей участью. Под властью Сигизмунда II (Сигизмунда Августа) значительно расширились пределы государств совершенным присоединением Великого княжества Литовского к Польскому королевству (1569). Польское дворянство уже давно требовало от короля, чтобы Литва как можно теснее была присоединена к Польше (как воеводство Белзское в 1462); но литовско-русские вельможи долго этому сопротивлялись, опасаясь, по всей справедливости, ограничения своей веры и народности, и старались исторгнуть из рук поляков не одну только Литву. Но этот отпор со временем ослабел, многие знаменитые русские роды (фамилии) позволили склонить себя на переход к римской церкви, и так при вышеупомянутом короле Литва с русскими областями (Беларусью, Волынью, Подлесьем, Подольем и Украиной) соединилась с королевством Польским, однако же никогда с ним не сливалась, так что права одной державы и другой почитались равными. Таким образом, соединились два славянские народа (т. е. польский с русским) в одно политическое тело[3],

1. Cromer, libr. XXI.

2. Cromer, libr. XXVIII, pag. 609. Libr. XXX, pag. 651.

3. Говорю с *русским*, потому что в тогдашнем Великом княжестве Литовском настоящих литовцев было не более 1/10 всего народонаселения; князья же и так называемые магнаты (вельможи) большей частью приняли греческую веру и русскую народность. Русский язык (малороссийский, русинский) со времен Гедимина сделался языком придворным: на нем были писаны законы, и чинился суд не только в Литве, но и во всех областях, к ней присоединенных, а также и в Червонной Руси, до XVII столетия.

но сие соединение не имело таких последствий, каких должно было ожидать. Царствование Сигизмунда Августа славится в летописях терпимостью ко всем христианским вероисповеданиям. Нет никакого сомнения, что иногда и русские, придерживавшиеся восточного обряда и составлявшие в тогдашнем Польском государстве почти $^3/_4$ всего его народонаселения, радовались совершенной свободе своего богослужения. При всем том, хотя права и преимущества последователей греко-восточной церкви были утверждены королевскими уставами, однако же сношения с цареградским патриархом запрещались под смертной казнью и потерей всего имущества.

Гораздо смутнейшая участь приготовлялась русинам в царствование *Стефана Батория*, в особенности после введения и распространения в Польше иезуитского ордена. Русь в своих литовско-русских князьях и вельможах, перешедших частью к *кальвинизму* или *социнианизму*, частью к римско-католической вере, потеряла великих защитников греческо-русской церкви, хотя, с другой стороны, и находила их опять в соседних государях молдавских. *Александр VI, Барнавские, Могилы* и другие всегда пребывали верными своей природной вере, сильно старались о том, чтобы она сохранилась у соседей их русинов, с которыми были соединены одной и той же верой, языком и историческими памятниками[1].

В конце XVI столетия начали думать о соединении греческой церкви с римской. Но это усилие встретило сильное сопротивление во многих русских дворянских родах, которые в этом видели опасность, угрожавшую их народности. Однако же сопротивление это не отвратило оной. Напрасно князь Константин Острожский действовал против этого словом и пером, напрасно сопротивлялся на сеймах и представлял все последствия такого переворота, напрасно употреблял все возможные старания, чтобы просвещением и распространением познаний усилить и поддержать греческую веру и русскую народность; напрасно цареградский патриарх присылал своих наместников для утверждения в вере колеблющихся,

1. Известно, что Молдавия (Multany) была обитаема в древности русскими славянами. Я вспомнил, что в XIV столетии ее заняли валахи и основали новое государство, язык же церковнославянский и русский был народным и правительственным до XVII столетия. Желательно бы знать, какие причины принудили заменить славянский язык валашским. Думаем, что в то время валахские господари начали сильно выступать на поприще истории и произвели эту перемену в церкви и между дворянством, которое до сих пор называется *бойерами* (bajery), или *боярами*. Мне случалось слышать, что в Молдавии и теперь еще есть селения, в которых говорят одним только русским языком.

тщетно обе *ставропигии* (Львовская и Виленская), также церковные братства, коих обязанности было содержать приходское училище и госпиталь и наблюдать за порядком в церкви и нравственности прихожан, старались положить преграду наступающей перемене; римским и варшавским планам был уже проложен путь, ведущий к предположенной цели. При всем том усилия князей, патриарха, братств и ставропигий совершенно не остались без успеха. В царствование *Сигизмунда III* был созван церковный собор в Бресте-Литовском (1593), на котором совершилась уния[1]. В особенности король, по причине слабости своей во всем повиновавшийся только одной партии, зашел гораздо далее, нежели повелевали благоразумие и осмотрительность. Вместо обращения учением наступило насилие, т. е. преследование всего того, что не было латинское. Русские церкви названы были синагогами, и без собственноручного позволения короля никакая ветхая церковь не могла быть поправляема, а новая основываема. Религиозные распри, внутренние беспокойства, гонение и притеснения достигли высочайшей степени, и религиозно-народная война была печальным последствием всего этого. Храбрые казаки, употребляемые прежде с большим успехом для охранения польских границ, обратили теперь свое оружие против самих поляков; в казаках русский народ показал свое могущество, и вскоре *Збараж, Львов* и *Замост* увидели под своими стенами мстительные и храбрые полки *Богдана Хмельницкого*. Это поколебало Польшу в ту самую минуту, когда она вполне развила свое могущество; основания ее пошатнулись, а за сим и последовало и ее падение, продолжавшееся около двух веков. Славный меч Собеского не мог остановить его. Едва залеченные раны, нанесенные русской народности, при последних королях опять раскрылись. Изуверы-святоши (Přepiati pobožnůstkaři), не имевшие уже к обращению ни одного схизматика (Šismatika), преследовали соединившихся с римской церковью (uniatůw); тут же дело шло о совершенном искоренении русского имени; но сама Польша, не достигнув этой цели, пала.

1. Львовский православный архиепископ и епископ Перемышльский были последние, принявшие унию и признавшие папу главой церкви только в начале прошедшего столетия. Но некоторые монастыри (как, напр., *Креховский* в 3 милях от Львова) еще долго оставались в православной вере, и монастырь, именуемый *Скит* (в Станислав. области), был последний православный монастырь, коего монахи (czernci), не желая признать власти папы, оставили его в 1785 г. и разошлись по разным православными монастырям, находящимся в Буковине.

Памятники галицко-русские

Так как Русь Галицкая была подвластна многим владетелям, то и политическое разделение ее должно было подвергаться различным переменам. Мы не знаем, как разделялась эта страна в древности, когда еще составляла *Хорватию*. В ней обитали хорваты и отчасти соседние народы: *бужане, дулебы, уличи* и *тиверцы*; упоминаются города *Червенск* и *Перемышль*. Сколько нам известно, из древней Хорватии образовались княжества *Перемышльское, Звенигородское*, также *Белзское* и *Бужское*. От этих времен сохранились еще поныне города и местечки, упоминаемые в летописях: *Перемышль* (Přemysl), *Теребовль* (Trembowla), *Галич, Белз, Бужск* (Busk), *Львив* (Lwiw), или *Львов* (Lwow), *Броды, Ярослав, Тысменица, Коломыя, Сяник* (Sanok), *Перевирско* (Preworsk), *Городок* (Gródek), *Щирец* (Sčerec, Львовск. обл.), *Микулинцы*, или *Микулин* (в Тарнопольск. области), *Збараж, Жидачев,* или *Зудечев, Любачев, Толмачь* (Tlumač), *Вишня,* или *Визня, Гологоры* (Gologory), *Подтеличь* (Potylič), также селения: *Синевидско* (Sinewodzko, в Стрыйск. области), *Данилыче* (Данилов к северу от Галича), *Дориговыж,* или *Дроговск* (в Стрыйск. обл.), *Плавуча* (Плав в Бржезск. обл.), *Рогожино* (Rogózno, в Премышльс. обл.), *Большев* (возле Галича), *Борки* («у Борку», в Станислав. обл.) и т. д. На месте города *Плеснеска* находятся ныне одни окопы и большие курганы, заросшие буковым лесом, от самого Подгорецкого монастыря, который лежит на половине дороги, ведущей от Брод до Злочева. В Галиции находится три *Звенигорода* (Dzwinógród), все они ныне селения, два из них в Чертковской области на Днестре и Стрыпе, третье в Бржезанской области, недалеко от Бобрки; четвертое же урочище сего имени находится в лесах на реке Збруче. Во всех сих местах есть остатки насыпей или древних городищ (hradeb), которые, говорят, были местопребыванием отдельного князя.

Читателям может быть любопытно знать: в каком состоянии находятся теперь упомянутые города Червенские? Что происходит в этих местах, в древности знаменитых? За исключением некоторых, теперь это деревянные местечки, населенные евреями; в них осталось древнего только то, что они носят названия прежних городов, бывших некогда вольными; мещане или спорят с своим начальством за древние права, или же, совершенно дворянством лишенные их, несут все бремя повинностей и работ, как простые земледельцы. Только те из городов в несколько лучшем состоянии, которые поныне удержали название королевских и имеют свои магистраты, или в которых находятся областные правления. В них начинает проявляться западноевропейская промышленность; немецкая опрятность

и европейская образованность сделали их в некотором отношении благоустроеннее и примечательнее, ввели порядок и лучшую постройку домов. Но тщетно станете искать в них русских древностей и в развалинах замков *львовского, галицкого* и *перемышльского* тщетно будете стараться найти самые малейшие остатки времен русских князей. Все, что увидите, есть произведение новейших времен — и наиболее польского владычества. В Перемышле вам покажут место, где находился прежде дворец Володарев; но напрасно будете отыскивать хотя какую-нибудь церковь тех времен там, где прежде была церковь Святого Иоанна Богослова, в которой сохранялись останки русских владетелей; ныне нет и следа ее. В минувшем столетии поляки уничтожили последний священный памятник русской древности — эту каменную (или, как гласит народное предание, высеченную из одного куска камня) церковь — и на месте ее поставили нынешний латинский епископский (епархиальный) костел. В селении *Синеводске* на реке Стрые всякий крестьянин покажет вам деревянный костел возле монастыря; но это уже не тот, в котором останавливался и молился князь Даниил на возвратном пути из Венгрии в Галич. Только одна каменная церковь древних русских времен в Галиче на Днестре устояла против всеобщей перемены. Это мать всех русских церквей в Галиции; она пережила всех своих гонителей, разрушительные бури, пожары и несчастья, которые насылала на этот город злополучная судьба; но в ней, кроме стен, нет ничего древнего. Если вам случится побывать в ней, дьячок (Kantor) укажет вам шарообразный камень, лежащий посредине церкви перед царскими вратами; на нем становился священник и говорил проповедь, как это и теперь бывает, ибо особенного амвона нет; на этом камне вы заметите изображение подковы, а кругом ее письмена **в. г.** *(γαμμα)* **л. в.** Дьяк прочтет вам, что в тысяча втором году (!) построена сия церковь. Вы должны верить чтению дьячка, ибо более важных доказательств никто не может представить. Бедные галичане с гордостью станут вам доказывать, что Галич древнее и знаменитее Львова (Лемберга); будут вам рассказывать про те времена, когда Галич был главным городом всего края: как он был тогда богат, обширен (около 5 миль вокруг); расскажут вам об осаде Галицкой крепости *Боняком* (Bonak), который никаким образом не мог овладеть ею и успел в этом только хитростью; как он вместо дани требовал с каждого двора по паре голубей; как потом, отступив на некоторое расстояние, приказал привязать к ногам голубей зажженные свечи и пустил их; как голуби, возвратившись к своим гнездам, зажгли дома, и город принужден был сдаться. Вот эта известная сказка; она старее, нежели имя Боняка, половецкого хана, и не исчезла из па-

мяти народа: но она взята не из летописей Нестора, хотя, впрочем, галичане русские буквари читают и занимаются польской грамматикой, однако же не знают, что некогда существовал какой-то Нестор. Эти сказки станут вам рассказывать, если вам случится быть в Галиче. Я и сам слышал их на месте, когда в первый раз случилось мне быть в этом знаменитом городе. Я пришел к Днестру, переправился через реку, с почтением вступил на священный берег и, перешедши площадь, осматривал ряды (řady) строений новейшего времени. Одноэтажные и двухэтажные дома евреев на площади, деревянные и покрытые соломой хижины русских мещан рассеяны в предместьях и скрыты в садах. Вы редко встретите мещанина в хорошем жупане (кафтане), но чаще всего еврея (талмудиста или караима). Вот древняя столица Галиции! Я поднялся по крутой тропинке на гору, чтоб посмотреть на печальные развалины замка. Разрушенные и разбросанные остатки кирпичных стен краснеют кое-где на земле; на них растет глухое зелье и крапива, и пасутся коровы живущих вблизи мещан. Тут отверстие какого-то подземелья (sklepa); но кто решится войти в это гнездо змей и ящериц? Только одна башня без крыши уцелела, и сгнившее бревно торчит в одном углу. Я поглядел на окрестную страну – прекрасный вид! Все положение древнего Галича напоминает вам положение славянской метрополии, города Любуши (Libusina) на Влтаве (Wltawau). Галич, подобно малой стране Праге, лежит у вашего подножья; хребет гор тянется полукругом по правому берегу Днестра; на другой стране пред вами открывается равнина, увенчанная дальними холмами; там на южной стороне синеют темные вершины Карпатских гор, здесь плодородные поля, цветущие луга стелются пред очарованными взорами. Внизу льется широкий, покойно-важный Днестр, которому с юга Луква, с севера Липа несут свои воды; по лазурной его поверхности тянутся длинные плоты (сплавный лес); берега его усеяны низенькими домиками, окруженными цветущими садами; везде царствует глубокая тишина, везде печальная грусть! Нет уже ни знаменитого Володимиркова престола, не видно вольного народного собрания, ни храбрых княжеских дружин; где же знаменитый престол Ярослава Осмомысла, кованный из чистого золота? Где железные полки его, которые некогда подпирали Угорские горы? Увы! Они уже не пора-

жают султанов в далеких странах![1] Все минуло, исчезло, погибло! Я задумался, слезы брызнули из глаз и упали на твердый камень.

Описание областей, жилищ и народных имен

Во время польского владычества нынешняя Восточная Галиция именовалась *воеводством Русским*, или *Червонной Русью*, исключая воеводство *Белзское*. В воеводстве Русском заключались следующие области: *Перемышльская, Саноцкая, Львовская* (Лембергская), *Галицкая, Жидачевская, Покутье и Самборская экономия*; эти области в свою очередь подразделялись на *староства* и п*оветы* (уезды). Сверх того, к нынешней Галиции принадлежала также западная часть воеводства *Подольского*. Русины находились еще и за пределами Русского воеводства в тогдашнем *Бечском уезде*, также несколько русских селений было и в *Сандецке*. Австрийское правительство разделило, наконец, все страны, составляющие королевство Галицкое и Буковину, на 19 областей (krajuw).

Венгрия еще св. Стефаном была разделена на области или наместничества (лат. comitatus, немец. Gespanschaflen, венгерск. Vármegye), а сии — на округи (Districtus).

Кроме того, надобно припомнить, что различные страны по сию, и по ту сторону Карпатских гор и их жители, а наиболее в простонародном быту, имеют особенные местные названия, происхождение которых от сих имен весьма легко можно отнести к отдаленнейшим временам *славянщины*.

В Галиции и теперь всякий исповедывающий греческую веру называет себя русином (русским), а отчизну свою — Русью (название Галиции ему вовсе не известно). Русины, обитающие в Буковине, называют Галицию *Польшей* (Польщей) или *Ляшиной* (Lašinau) — от лехов; жители же Галиции Буковину называют *Валахией* (Волощиной), а русинов, в ней обитающих, *волохами*[2]. Поэтому Буковина есть название политическое и географическое, а не народное. Польские дворяне (šlachta) называются русинами, *ляхами*, а крестьяне — *ма-*

---

1. См. «Слово о полку Игоря», перев. В. Ганки, стр. 27: «Ярослав Осмомысл Галицкий, высоко ты сидишь на своем златокованом престоле, поддерживая Угорские горы своими железными полками, преградив королю путь, заперев врата Дуная, метаешь тяжести за облака, чинишь суд и расправу до самого Дуная; наводишь страх на всех, отпираешь врата Киева; поражаешь с отцова золотого престола султанов в отдаленных землях и т. д.».

2. Русины и поляки различают слово *волох* от *валах*. Валахами называются мораво-славянские коновалы, а название волох дается только людям румынского происхождения.

зурами; венгры называют русского Oros (Orosz-ember). Венгерские русины называют Галицию по превосходству Русью, напротив того, свою страну и целое государство — уграми (венгерцами), *Венгрией*, мадьяра — *венгерцем*, себя – *русинами* или *русняками* (сим последним названием образованные русины оскорбляются). Страны, лежащие по Нижней Тисе, называются у русинов Мармарошской области *Польшей* (Polšča), вероятно, от равнин, полей; действительную же Польшу называют *Ляхами*. В народе Галиция разделяется на следующие области: *Подилье* (Podoli) или *Опилье* (Opoli), т. е. так называются области Тарнопольская и Чертковская с частью Бржежанской и Злочавской, области ровные, не имеют лесов; жители их называются у соседей *подиляне, опиляне, опилюхи*; *Полесьем* (Полисье) называются страны лесистые Жолковской области; горцы именуются *горяне* или *подгоряне* в восточных областях, в западных же — *горняками, поддилянцами, задилянцами* (от слова *дил* — гора, раздел вод).

У соседей, обитающих в низменных местах областей Коломыйской и в наместничестве Мармарошском, горцы именуются *гуцулами* (Huculami)[1], сами они называют себя этим же именем. Имена *бойков* и *лемков* суть прозвища, которыми русины Северной Галиции называют своих побратимцев, живущих за Днестром и на горах. Бойками также называются горцы Стрыйской и Самборской области, лемками же — жители гор области Саноцкой и Ясельской. Однако же они сами себя так не называют. Остальные области не имеют особенных имен, и жители их называются общим народным именем *русинов*. Древние имена *хорватов, бужан, дулебов* совсем исчезли и пришли в забвение, а сохранились только места *Дулибы, Деревляны,*

1. *Гуцул* и *гоцул* значит по-валахски грабитель, разбойник; вероятно, подобным образом из прозвища образовалось народное имя, как и украинцы присвоили иностранное слово *козак* (kozak). В этих диких и бесплодных горах скрывались в прежние времена шайки бездомных (называемых здесь *опрышками,* opryškami) и делали нападения на местечки и дворянские дома в равнинах, подобным образом, как и разбойники (haidamacke в Украине). В последствии времени они сделались оседлыми, стали заниматься скотоводством, и из них, как из украинских хуторов, образовались селения; но имя *гуцул* сохранилось в народе, вкоренилось, как название *казак*, и обратилось в народное имя; самое грабительство в народном мнении есть еще нечто почетное. Прежде невеста всегда спрашивала у жениха, был ли он между *опрышками*; в доказательство он должен был представить свидетелей, если хотел получить руку своей невесты. Вот опять разительное сходство опрышков с казаками. В Часописе 1838 и 1839 года находится этнографическое рассуждение Г.Д. Вагилевича о гуцулах; но его вывод гуцулов от древних узов весьма темен и неудачен. Рассуждение его же о бойках см. в Часописе 1841 г., с. 30.

Дорогобыч, Ятвиги, Побужане, Печенижин, кои свидетельствуют своими названиями о существовании в сих странах в прежние времена инородных населений.

Венгерские русины Мармарошское наместничество именуют *Мармария, Мармарщина*; гористые страны, находящиеся в западной части Мармарошского наместничества и в северной части Бережского называются у туземцев *Верховиной* (Werchowina), а жители — *верховинцами*; к ним также принадлежат гористые места Стрыйской области в Галиции. Далее на запад следуют гористые места, находящиеся в некоторой части Угварской и во всей Земненской области под именем *Краины* (Krajina), а жители оных именуются *краинянами* (Krajinane). Соседями их считаются *сотаци* (Sotaci), живущие возле местечка Снина (Sznina) и Гуменного (Homonna). К Краине должно также причислить горную страну, лежащую в западной части Стрыйской области, и всю горную страну Самборской, или верховья рек Стрыя и Днестра, где к прежней экономии Самборской причислялись следующие области: *Волосянская, Либохорская, Розлуцкая, Ильницкая, Подбужская, Гвоздецкая* и *Липецкая*. Эти названия сохранились до наших времен, ибо императорско-королевские камеральные чиновники (управители) еще и теперь называются в сих странах, где все принадлежит казне (komora), *крайниками* (окружными, пограничными), а должность их — *краиной* (окружной, пограничной). (Краинские же начальники во всей Галиции называются *старостами*.) Далее в Западной Венгрии, кроме *Маковы* (Makowy), не встречается никакое местное название. *Маковой* называется горная страна, лежащая в Шаришском наместничестве, от крепости *Макова*. На противоположной стороне Галиции, напротив, оно именуется *Мушинским* (Musinske) владением, в Сандецкой области — *Бискупщиной* (Епископщиной), потому что пограничные места принадлежали прежде краковским епископам; все области, причисленные казне, называются *Королевщиной* (Kralowslinau).

Вот все местные народные названия; теперь нужно еще показать границы поселений русинов. На западе от Польши проводится на карте черта: от местечка Пивничной, лежащего на реке Попраде, на юге от Грибова, Горлицы, Жмигрода и Дукли к верховьям речки Любатовки, оттуда, заняв местечко Рыманов, до местечка Заршина, далее по левой стороне реки Сана к Дынову, потом по течению реки Млечки (Молочка) к реке Вислоку до его впадения в Сан, оттуда опять по левому берегу Сана, заняв Лежайск до польской границы, и опять по правому берегу Сана над рекой Танвой лежат поселения русинов. За сей чертой находится еще несколько селений русских (русинов) возле *Ржешова*, на всем треугольнике между реками Вислоком и Бр-

жезовой, а также и по ту сторону Попрада есть еще четыре русских селения: *Шляхтова, Чорнавода, Билавода* и *Яворки* (или Била вода и Явирки, говоря местным наречием). Вот самые западные поселения русского народа в Европе. Русские поселения не простираются далее означенной черты, хотя пределы воеводства Русского во время польского владычества (а кажется, и княжества Перемышльского) простирались даже до самого *Ржешова*, как о том свидетельствуют и названия некоторых селений, находящихся в тех странах, и в них обитали русины, как, например, *Русская весь* (Ruska wies), *Русинов* (Rusinöw), *Воля Русиновска* (Wola Rusinowska), *Побидна*, или *Побитна* (Pobidna, или Pobitna), *Поломья* (Polomja), *Солонка* (Solonka), *Лютча* (Lutča), *Манастер* (Manaster), *Чермно* (Cermno) и т. д.

Следовательно, русский народ занимает в Галиции следующие области: *Львовскую, Жолкевскую, Бржезанскую, Тарнопольскую, Чертковскую, Коломыйскую, Станиславовскую, Стрыйскую, Самборскую, Перемышльскую* и *Саноцкую*, исключая северо-восточную часть ее; в *Ясельской* области занимает только пограничные Карпатские горы и междуречья Вислока и Бржезовы, в *Сандецке* — юго-восточную цепь возвышенностей, в *Ржешовской* — только восточные границы. В Буковине русины странным образом перемешались с волохами, так что невозможно определить между ними границ. Бассейны (Porici) Черемоши и Прута населены исключительно одним русским народом. В областях Тарновской, Бохнянской и Вадовицкой русинов вовсе нет.

Гораздо труднее показать пределы русских поселений в Венгрии, ибо здесь русины в некоторых странах до того перемешались с валахами, венграми (мадьярами) и словаками, что часто в одном селении живут и те, и другие вместе. В обзоре нашем мы должны были ограничиться этнографической картой *Чапловича* под заглавием «Gemälde von Ungara», 1829 г., хотя в ней не находится верного означения границ; поэтому я сам должен был в ней кое-что поправить, основываясь на результатах своих собственных исследований. Вот граница, мною назначаемая: от возвышенности Печилова, подле одного из притоков первоначальной Тисы, называемого Вассер, где находятся последние русские селения Поляна, Русскова, отчасти и Костел (Rhonaszek), и далее от *Вишейовы* (Viso) левым берегом Тисы до Вишкова (Visk); на восток через южную часть Угочского наместничества до Вуйлока (Ujlak) и Вариева (Vari), оттуда через реку Латорицу до Капошан (Kapos); на север возле Михаловиц (Nagy Mihaly), оттуда же к Прешову и по реке Торисе на север к долине Попрадской. Я здесь начертал границы тех областей, в которых или исключительно живут одни русины, или же число их превышает обитателей другого

происхождения, хотя целые отдельные селения, населенные русскими или, по крайней мере, последователями русской веры, рассеяны по Тисе и Гернаде до самого устья сей последней, а оттуда — до самых Татр (Карпатских гор). Однако же русины находятся еще в наместничествах Шпишском, Абауйварском, Торнянском, отчасти в Боршодском, Гемерском и Сабольчском; но русины (Oro-szok) в Боршодском, Сабольчском, Гемерском и в южной части Абауйварского наместничества говорят ныне по-венгерски (сохранив единственно богослужение на славянском языке), в наместничествах же Земненском (Земплинском), Шаришском, Шпишском и в северной части Абауйварского говорят словацким шаришским наречием, так что только четыре наместничества восточные и краиняне кое-как сохранили малорусское наречие. Следовательно, народ русского происхождения почти исключительно занимает наместничества *Мармарошское, Бережское, Угочское* и *Угварское*, в наместничествах же *Земненском* и *Шаришском* — только северные части. Из названий видно, что следы существования русинов или древних паннонских славян между венгерцами сохранились довольно глубоко, например, *Орос* (Oros), *Оросы* (Orosy), *Русска* (Tótfala), *Теребеж* (Terebes), *Богданы* (Bogdany), *Богач* (Bohač), также трансильванские реки *Быстрица* (Bystrice, или Besztercze), *Красна* (Krasna), селения *Прелука, Добра, Богданы, Бред, Тиха, Топлица, Оросфалю* (Orosfalu), *Орос-Идеч* (Oros-Ideč) и т. д. Это служит неопровержимым доказательством существования в древности в сих странах славян — и именно русинов, последних остатков иерархии св. Мефодия!

Перев. с чешского А. Старчевский

Источник: О Галицкой и Венгерской Руси (перевод с чешского из «Casopis Ceskego Museum»). Перевел с чешкого А. Старчевский // ЖМНП. 1844. Т. III (март). С. 204–246.

Source: O Galitskoi i Vengerskoi Rusi (perevod s cheshskogo iz “Casopis Ceskego Museum”). Perevel s cheshskogo A. Starchevsky [On Galician and Hungarian Rus’ (translated from Czech from “Casopis Ceskego Museum”). Translated from Czech by A. Starchevsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1844. March. pp. 204–246.

Головацкий Яков Федорович (1814—1888) — деятель галицко-русского Возрождения, писатель, историк, филолог, этнограф, фольклорист,

Yakov F. Golovatskii (1814—1888) — Galician-Russian Rebirth activist, philologist, ethnographer.

УДК 94(436).08+94(477)
UDC
DOI: 10.17223/23451734/9/3

ПРИКАРПАТСКАЯ РУСЬ В ПОЛИТИКО-НАЦИОНАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ
Post lenebras lux

Автор неизвестен

Резюме

В статье анализируется политическая жизнь русинов Галиции, показывается история развития политических движений и партий в Галичине, зарождение украинофильства и появление «червонорусского сепаратизма». Автор считает, что, несмотря на существовавшие расхождения в политических взглядах между партиями Галичины, все они имели одну общую, весьма важную цель – «служить тому народу, из которого они произошли». Это было главным, что их объединяло.

Ключевые слова: русины, Галиция, русинское движение, украинофилы, сепаратизм.

CARPATHO-RUS' IN POLITICAL-NATIONAL RELATIONS
Post lenebras lux

Author unknown

Abstract

The political life of the Rusins of Galicia, the history of the development of political movements and parties, the origin of Ukrainophilism and the appearance of "Red-Russian Separatism" is analyzed in the article. The author considered that even though the existing parties in Galicia diverge in their political views, all have one common very important goal and task – to serve their people from which they originated. According to the author, this is the main thing which unites them.

Keywords: Rusins, Galicia, Rusin Movement, Ukrainophiles, separatism.

В первые века своего исторического существования восточные славянские племена под владычеством варяго-русских князей сделали несколько успешных шагов к установлению своего народно-государственного единства, но несчастный обычай дележа территории между князьями не дал упрочиться этому единству. В средние века последовало распадение Руси: в то время, когда Восточная Русь подверглась игу азиатских варварских племен, Западная мало-помалу вошла в состав Великого княжества Литовского, Червонная же, или Галицкая Русь, обессиленная татарскими погромами и внутренним неустройством, была покорена соседней Польшей и с тех пор разделяла ее судьбу. Польское господство сказалось на Руси крайним упадком русской народности — что было, впрочем, весьма естественно. С самого начала XIV века и до наших дней польские писатели, наперекор этнографической и исторической истине, старались и стараются утвердить в польском правительстве и обществе ту любимую свою мысль, что Русь Западная и Южная ни в чем не походит на Русь Северную и Восточную, лживо присвоившую себе будто бы это имя и принадлежащую к другому совершенно племени. Оттого поляки так вели себя в Западной Руси, что в четыре столетия обратили землю Осмомыслов, Даниилов в землю холопов; древние боярские роды и вольные русские люди из нее вытеснены, прогнаны или принуждены переродиться в чужаков, отступиться от веры и языка предков, а простой народ по принуждению насилием бессознательно сделался каким-то получленом другой церкви.

Неудивительно, что последовавшее вслед за первым разделом Польши в 1772 г. присоединение Прикарпатской Руси к Австрии показалось русским галичанам, измученным духовно и телесно в течение с лишком 4-векового польского владычества, настоящим избавлением от тяжкого ига и даже благодеянием.

Вначале действительно это присоединение до некоторой степени было благотворно для русских. Желая справиться с поляками, Австрия признала полезным создать себе в стране опору против них в лице русского народа. В этих видах она провозгласила право русского народа на отдельное от поляков существование. Червонная Русь вздохнула свободнее. Бессознательно таившаяся в курных (черных) крестьянских избах русская народная жизнь встрепенулась и потекла вольнее. Воспрянувшее из усыпления и невежества духовенство прозрело и стало сближаться с народом. Не прошло более одного поколения, как уже ясно заметны первые проблески новой жизни Червонной Руси.

Но этот подъем русского духа не был продолжителен. Австрийское правительство, справившись с поляками, переменило фронт.

Его политика по отношению к Червонной Руси стала другой. Оно перестало отличать русских от поляков, желая равно тех и других сделать немцами. Совершенно забытая остальным русским миром, без сношений, со смутными понятиями и преданиями о былом и всецело предоставленная самой себе, Червонная Русь в лице своей интеллигенции, ютившейся почти исключительно среди духовенства, воспитанного в немецких школах немецкими учителями в немецком духе, только урывками, случайно и тайком могла заниматься делом самопознания и самоизучения. Тем не менее поступательное движение Червонной Руси к возрождению не прекращалось. Пробираясь ощупью, находясь в полном неведении всего того, что было, и в особенности что в данное время творилось на Руси, за пределами Галичины, галицко-русские деятели, несомненно, выбрались бы все-таки на верный путь, не разразись в Австрии как раз в эту пору революция 1848 года, который для Червонной Руси оказался особенно тяжелым.

Теснимая со всех сторон, между прочим, и поляками, снова поднявшими голову, Австрия искала помощи везде и у всех, где только надеялась найти ее. Обратилась она за помощью и к русским, которыми пожелала снова воспользоваться для усмирения поляков. Но у Австрии были при этом еще другие соображения: от ее внимания не ускользнуло зарождавшееся в русском народе стремление к политическо-национальному освобождению, и она пожелала дать этому стремлению желательное для себя направление. Стараясь, с одной стороны, при содействии русских справиться с поляками, она, с другой, стремилась, чтобы совратить самих русских с пути их естественного развития, сделать более вероятным и возможным конечное превращение их в немцев. Что тогдашнее австрийское правительство в этом отношении хорошо знало, с кем иметь дело, это доказывается тем, что оно само, нуждаясь в помощи русских, тем не менее не убоялось диктовать им свои условия. Тогдашний наместник Галиции граф Стадион прямо заявил явившимся к нему по его приглашению виднейшим русским представителям, что Австрия, ценя верность и преданность русского народа государству и престолу, милостиво требует: первое, чтобы русский народ пришел ей на помощь в нынешние тяжелые для нее времена, и второе, чтобы он отказался от своего *«я»*, забыл свое родство с остальным русским миром, с которым не должен-де иметь никакого общения, и впредь именовался бы не русским народом, а *рутенами* (Ruthenen): за это Австрия обещает им *в виде особенной награды* защищать их *от произвола поляков и латинского духовенства* и предоставить им *свободу* народного развития. Если же русские не примут этих условий

и не откажутся *от своего единства с остальным русским миром*, то Австрия не только не будет поддерживать их, но предоставит полякам полную возможность их ополячивать, ибо русских, состоящих в культурном и народном единстве с остальным русским миром, Австрия считает для себя более опасными, нежели поляков.

К сожалению, тогдашние представители галицко-русского народа по своей политической неопытности ответили на это позорное предложение изъявлением своего согласия! Они слишком поторопились, боясь упустить удобный, быть может, единственный случай освободиться от польского гнета и от вмешательства поляков в их внутренние дела. Граф Стадион знал, чем запугать русских: одна только возможность возвращения польского гнета приводила их в содрогание и ужас.

Названные русские люди, очевидно, не придавали особенного значения предложенному им переименованию в *«рутенцев»*. «Это пустая внешность, — думали они, — не в названии дело. Русский народ и русская интеллигенция всегда останутся русскими и впредь, как были русскими и до сих пор». Так думали они! Они не подозревали, что то, что для них было только внешностью, другие ухитрятся превратить в самую суть дела.

Как бы то ни было, но роковой шаг был сделан!

Русские не сумели воспользоваться представившимся случаем для действительного обеспечения своего народного существования и начавшегося народного возрождения. Этот шаг сделался началом зла и корнем бед Червонной Руси. С этого момента в народном организме червонорусов начинает развиваться болезнь, которую нельзя назвать иначе как рутенизмом. Этой болезнью они болеют до сих пор. Она сделала их нерешительными, уступчивыми, трусливыми, раболепными, недовольными и недоверчивыми, она вселила в них уныние, довела многих из них до отчаяния, породила в их среде антагонизм и усобицы, раздробила их силы, лишила их отваги и гражданского мужества; она же, наконец, сделала их равнодушными к собственным судьбам!

Сделавшись правительственной партией, русские не сумели извлечь из своего положения всех тех выгод, какие даются сами собой приверженцам правительства. Надеясь, что правительство останется верным данному им обещанию и действительно поможет им в деле их народного развития, русские ждали, что оно по собственному побуждению будет оберегать их интересы и исполнять их желания. На деле вышло совсем не то! Пока монархия Габсбургов нуждалась в русских, она еще делала им кое-какие уступки, когда же революция в Австрии была подавлена, спокойствие в стране водворено и пра-

вительство почувствовало себя крепким, оно вовсе перестало о них думать. Но, не нуждаясь больше в русских и на самом деле не оказывая им никакой поддержки, правительство все-таки открыто не порвало с ними. Оно продолжало убаюкивать их обманчивой мыслью о том, что они пользуются его покровительством и благодаря этому могут жить с надеждой на большие народные и политические успехи в будущем. Для правительства в данном случае было важно оставаться господином положения и не дать сбившемуся на ложный путь народному движению русских взять снова надлежащее направление. Думавшие перехитрить австрийское правительство русские сами были обмануты им: правительство действительно успело всецело завладеть народным движением на русском Прикарпатье и направлять его по своему усмотрению.

Такую картину представляла Прикарпатская Русь до 1861 года, когда в Австрии впервые были сделаны попытки ввести Конституцию.

В конституционном государстве, в особенности с разноплеменным населением, решающее значение для благополучия того или другого племени имеет не политическая благонадежность и преданность его престолу, а его сила. Кто силен, того боятся, а кого боятся, тому дают. Кто же слаб, тем пренебрегают, того осуждают служить этнографическим материалом для удовлетворения сильных.

Так было и с русскими в Австрии. В то время как они под мнимым покровительством правительства успели, по сравнению с их положением до 1848 г., внутренне значительно ослабеть, поляки, напротив, ведя постоянную борьбу с правительством, заметно окрепли. С ними правительство не могло не считаться, в покорности же русских и в их слепом повиновении себе оно было уверено. Поляки были сильны, а русские были слабы, и потому правительство пожертвовало вторыми для удовлетворения первых. Чтобы привлечь поляков на свою сторону, правительство должно было исполнять их желания. А желания поляков и все их стремления были направлены к тому, чтобы, с одной стороны, оградить себя от германизации, а с другой — получить возможность беспрепятственно ополячивать русских и в конце концов сделаться в Галичине полновластными и неограниченными господами. Если в первом стремлении правительство не особенно поддерживало поляков, то русских мало-помалу оно стало выдавать им с головой.

Такое поведение правительства не могло не вызвать в русском народе и в русской интеллигенции общего недовольства, которое стало все сильнее и заметнее проявляться. Однако русские деятели того времени продолжали оставаться верными слугами этого правительства.

Но даже в это прискорбное время особенной уступчивости правительства по отношению к полякам русские могли бы успешно защищать свою независимость, умей они дружно заявлять и энергично поддерживать свои требования. Но у деятелей того времени не хватило на это мужества, а поляки направили все свои усилия к тому, чтобы возникшее в среде русской интеллигенции недовольство разжечь до открытой вражды и таким образом внести в русский лагерь смуту и раздор.

Тем временем подоспело польское восстание 1863 г. Поляки хотели привлечь в свои ряды галицко-русскую молодежь во что бы то ни стало и начали в среде ее усиленно агитировать. Они не без удачи пустили в ход между нею свою выдумку об отдельности малороссийского языка от языка русского, указывая ей на зарождавшуюся тогда «особую» малороссийскую словесность. Для подкрепления своей агитации поляки выписывали из Малороссии своих мастеров этого дела, но успех решительно стал улыбаться им с того момента, как им удалось перетянуть на свою сторону советника апелляционного суда во Львове Юлиана Лавровского, пользовавшегося тогда особенным доверием русского общества. С этого времени может считаться начало возникновения в Галичине партии «украинофилов».

Эта пария была вначале по преимуществу литературно-национальной. Идеалом украинофилов был Шевченко, они рядились в казацкую «свиту» и распевали южнорусские песни. Негодование против «рутенизма» и против «рутенцев» стало их девизом. На почве украинофильства и вырос червонорусский сепаратизм, который в новейшее время стал особенно смел и несговорчив, перешел в так называемую «новую эру».

Негодование это, впрочем, неудивительно. «Рутенская» маска, которую носили деятели сороковых и пятидесятых годов, была принята многими серьезно за действительность, форма, внешность — за самую сущность явления. Если бы эти деятели в свое время выступили с решительным и откровенным словом, то начавшемуся разделению, несомненно, был бы положен предел, но этому препятствовали, во-первых, слишком глубоко засевшая в галицко-русском теле заноза «рутенизма», во-вторых, не дремавшая польская интрига. Раздвоение росло и усиливалось.

К украинофильству молодежи вначале галицко-русские деятели относились с улыбкой, когда же в середине 60-х годов они спохватились и сознали, что сделали крупный промах, то было уже поздно. Раздвоению дано было совершиться беспрепятственно, и в 1866 году, когда покойный ныне отец И.Г. Наумович, самый заслуженный

деятель в Галичине, кликнул во львовском *«Слове»* свой громкий клич о единстве всего русского народа и пригласил Червонную Русь бросить, наконец, причинивший ей столько зла «рутенизм», то на зов его откликнулась только часть молодежи. Галицко-русские деятели продолжали идти прежним путем, «рутенизм» не прекращался, в защите народных интересов слово расходилось с делом, покорное и слепое служение правительству не ослабевало, несмотря на явное с его стороны предпочтение во всем полякам и на выдачу им русского народа на милость и немилость.

Недовольство среди русских усиливалось, и в середине 70-х годов украинофилы, поддавшись чуждому влиянию, выделили из своей среды новую партию, партию *социалистов*, правда, весьма незначительную. Во главе этой парии стали И. Франко и М. Павлик. Несмотря на преследования со стороны правительства, эти господа продолжат идти избранной дорогой, внося еще больше горечи в несладкую и без того народную жизнь и знаменуя собой новое дробление разрозненных сил русского народа.

В таком положении застает Червонную Русь 1879 год, начало министерства графа Таафе с его пресловутой программой «примирения народностей». Для русских эра Таафе ознаменовалась доведением системы выдачи их полякам до крайних пределов. С этим временем совпадает также начало крепкой организации партии сепаратистов, которая из литературной превращается в политическую и основывает для своих целей специальный орган «Дело».

Русские дела усложняются. Гнет правительства, вернее, поляков, становится невыносимым. Русские деятели начинают подумывать о решительном отпоре. В печати раздаются громкие голоса, которые настойчиво требуют этого отпора. Во Львов переселяется из Угрии Адольф Иванович Добрянский (в 1881 г.), который сразу становится центром русской жизни и деятельности. Русская университетская молодежь, особенно в Вене, начинает серьезно интересоваться русским народным делом и по мере сил служить ему. Поляки и сепаратисты приходят в смущение и в волнение, и результатом этого является громкий и скандальный для австрийского правительства политический процесс 1882 года по раздутому обвинению нескольких галицко-русских патриотов в государственной измене.

После этого процесса, представившего в довольно ясном свете перед Европой «примирительную» систему графа Таафе, австрийское правительство готово было известными уступками загладить свою вину перед русским народом, в котором замечался вдобавок сильный подъем духа, вызванный именно этим процессом. Но русские деятели и тут не сумели воспользоваться моментом, необык-

новенно для них благоприятным. Интеллигенция колебалась, обнаруживала малодушие, и правительство, зорко следившее за настроением, не преминуло воспользоваться этим и даже усилило в угоду полякам антирусские строгости. Самые видные деятели русской народной партии увидели себя вынужденными покинуть родину. Наумович и Площанский выселились в Россию, а Добрянский живет с тех пор в Тироле.

Тем не менее шаг в противоположную сторону был сделан, русская народная партия перешла в оппозицию. Под воздействием последовавшего вскоре грустного факта отдачи русских монастырей в руки иезуитов одумались также сепаратисты, и между обеими париями начало устанавливаться заметно более тесное общение. На трех сряду общих вечах они пришли к заключению о необходимости и возможности действовать сообща — и действительно, как будто соединились для общего служения русскому делу и русскому народу. Но в то время как со стороны русской народной партии это соединение было совершенно искреннее и без всякой задней мысли, пария сепаратистов вступила в союз только для того, чтобы чужими руками жар загребать. Русская народная партия, несмотря на свою дезорганизацию, всегда была сильна сочувствием широких народных громад, ибо *русские простолюдины* никогда не переставали быть *русскими*. Партия сепаратистов, напротив, в народе никогда влиянием не пользовалась. Потому-то она и задумала при помощи русской партии поднять в глазах народа свой престиж и таким образом усилить на него свое влияние, дабы отдалить от русской партии и привлечь на свою сторону. Для поляков и правительства, с которыми партия сепаратистов продолжала поддерживать тайные сношения, все это не было тайной, и правительство поэтому еще решительнее стало на сторону этой партии.

Однако, идя с русской парией открыто, на виду у всех, якобы за одно, а в тайне донося на нее правительству, стараясь ее отовсюду выжить и умалить ее значение и влияние, сепаратисты все-таки сослужили службу этой партии, а, следовательно, и русскому делу. Нравственно подкрепленная этим, хотя и мнимым, единением со всеми деятелями русского народа русская партия усилилась настолько, что во львовском сейме поляки должны были считаться с русской оппозицией, и правительство, видя бесплодность деятельности сепаратистов, втайне искало соглашения с русской народной парией. Но русские люди отклоняли тайное соглашение. Тогда правительство пустило в действие все свои тайные пружины и силы для того, чтобы снова довести до открытого раздора русские партии, ибо оно убедилось, что не русские у сепаратистов, а напротив,

сепаратисты у русских идут на буксире.

Это новое разделение русских сил удалось правительству совершить осенью 1890 года. В львовском сейме посол Романчук выступил с заявлением, в котором снова провозгласил южнорусский сепаратизм. Сепаратисты отказались действовать заодно с прочими русскими братьями, обязавшись, напротив, единиться с поляками, безусловно служить Риму, то есть католичеству, австрийскому правительству и западной цивилизации.

Это официальное заявление Романчука означало полный и окончательный разрыв между русской народной партией и сепаратистами и ознаменовало собою водворение так называемой *«новой эры»* последних.

С этим же временем совпадает возникновение в Галичине третьей русской партии, «радикальной», с бывшими социалистами Франком и Павликом во главе. Хотя в народном смысле эта новая партия отождествляется с сепаратистами, но в политическом она с ними расходится, не признавая единения с поляками, а в религиозном отношении отрицая всякую религию. Эта партия имеет теперь своим центром гор. Коломыю.

Для русской народной жизни и русского дела в русском Прикарпатье заявление Романчука как политическое событие по значению своему равняется злополучным 1848 и 1882 годам. Русская народная партия и на этот раз не сумела воспользоваться представившимся удобным моментом и выступить с контрзаявлением, в котором ясно и решительно она бы изложила свою программу и свои требования к полякам и правительству. Бремя рутенизма (синоним малодушия, политической нерешительности, трусливости и т. д.), к сожалению, подавляло еще своей тяжестью русских людей, и они не посмели открыто и прямо выразить свои чувства и чувства австро-угорского русского народа, которые раньше или позже все же придется заявить.

Таившуюся в заявлении Романчука пользу для русского дела извлечь, таким образом, не сумели, а дурная, вредная его сторона обрушилась на русский народ всей своей тяжестью. К полякам отпала часть русских сил, возникла новая партия, и антагонизм между приверженцами различных политических партий усилился до открытой непримиримой вражды.

Кроме того, надежда Романчука на поляков и на правительство послужила в глазах народа недвусмысленным свидетельством совершенного якобы бессилия русских чего-нибудь достигнуть собственными силами, вера в которые вследствие этого сильно пошатнулась.

Но и для сепаратистов «новая эра» не ознаменовалась ничем хорошим: улучшения не последовало никакого, и они начинают уже убеждаться в совершенной ими ошибке. Пользы от их рокового шага не вышло ни им, ни народу, а вред оказался значительный. Решительный переход их на сторону поляков и правительства сопровождался расстройством их сильной прежде организации, дроблением сил, унынием и общим недовольством.

Будь русская народная партия организована, имей она решительных и просвещенных предводителей, она, наученная опытом 1848, 1882 и 1890 годов, без большого труда могла бы теперь овладеть положением и поправить допущенное ею зло.

Но, к сожалению, отсутствие всякой организации является хронической болезнью русской народной партии, которой она болеет до сих пор! И эта ее болезнь парализует ее силы, несмотря даже на то, что за этой парией стоит весь русский народ и огромное большинство русского духовенства, почти безграничным доверием которых она пользуется. Бессилие народной партии в значительной степени обусловливается также крайней материальной бедностью русского народа и полным отсутствием в Галичине русских помещиков. Эта бедность служит помехой во всех начинаниях. Благодаря ей русский народ не в состоянии выдвигать из своей среды более или менее значительный контингент людей с высшим образованием. Русские мелкие чиновники и учителя вследствие все той же своей бедности находятся в полной зависимости от своих польских или немецких начальников. Ежели такой чиновник или учитель осмеливается признавать себя русским, то его переводят в отдаленные провинции, и вдобавок он навсегда лишается надежды подвигаться вперед по службе. Крупных же чиновников русский народ не имеет почти никого.

В таком же положении находятся дела и русского духовенства. Высшую духовную иерархию оно давно потеряло, а польские или правительственные ставленники не только не защищают его, но сами являются главными гонителями как его, так и вообще верных народу деятелей. Русское духовенство, таким образом, совершенно бессильно в борьбе против преследований со стороны старост, уездных начальников и панов-колаторов, у которых оно, по безвыходной бедности и многосемейности, находится в полной, чуть не рабской зависимости.

Воскресающие на Червонной Руси русское ремесленное сословие и мещанство не могут подняться выше уровня самых жалких парий, будучи бессильны вследствие все той же бедности выдерживать соперничество с богатыми поляками, немцами и евреями.

Но беднее всех червонорусский крестьянин-«хлебороб»!

Такова в беглом очерке картина *политического* положения Австро-Угорской Руси.

Чтобы выйти, однако, из такого бедственного положения, в чем должна заключаться программа ближайшей деятельности русских людей в Галичине?

Первый и самый главный член ее должно составлять стремление к тому, чтоб укрепилось и сделалось аксиомой в народной жизни и деятельности русских галичан сознание, что им не на кого в Австрии полагаться, не от кого ждать добра. Исключительно собственными силами должны они добиваться своих прав, упрочивать свое существование и положение. С 1848 года они ведь имели достаточно времени и опытов убедиться в том, что надежды на помощь и поддержку австрийского правительства обманчивы и даже пагубны для них. Нет сомнения, что и галицкие сепаратисты, которые, по-видимому, не изучали судьбы Червонной Руси под Польшей или, может быть, забыли о ней уже, убедились или скоро убедятся в том, что, как ни расходятся существующие в Галичине партии, *русская, сепаратистская* и *радикальная*, в своих воззрениях и средствах действия, все они имеют одну общую, весьма важную цель и задачу — служить тому народу, из которого они произошли. Многое, очень многое разъединяет их, но несравненно большее и, главное, несравненно более важное их соединяет. Недалеко то время, когда всякий червонорус, если только он не упал столь низко, что сознательно служит чужим и враждебным червонорусскому народу интересам, проникнется сознанием, что без искреннего и честного объединения всех сил борьба русских галичан за существование должна остаться безуспешной и бесцельной. Это народное *объединение сил* должно совершиться непременно раньше или позже, но его может осуществить только *русская партия*, носительница исторических преданий, вызвавшая возрождение Червонной Руси, руководившая им до сих пор и пользующаяся доверием и симпатиями всего народа. А чтоб осуществить предстоящую ей столь важную и тяжелую задачу, русская партия должна вовремя подготовиться к ней и решительно взяться за ее осуществление. Она должна уяснить себе свое важное призвание и ответственное положение как народной партии и умело провести свою организацию. В ее рядах насчитывается много способных, деятельных и самоотверженных людей, но главный ее недостаток составляет отсутствие всякого руководства и крайняя нерешительность. Когда устранятся эти недостатки и руководство партией будет находиться в опытных, крепких и авторитетных руках, ныне разрозненные русские силы сомкнутся в тесные ряды,

и живым ключом закипит ее жизнь и деятельность. Когда червонорусы достигнут всего этого, тогда и будет найден выход из их, на первый взгляд, безвыходного и отчаянного положения; тогда не будет затруднения в выборе средств для упрочения их существования. Сила Прикарпатской Руси — это ее народ, ее крестьянство. Этот народ теперь зависим и беден и до сих пор, несмотря на многолетние просветительные труды покойного Наумовича, еще довольно темен. Пока он не будет составлять свободной и сознающей свои гражданские права сплошной массы, до тех пор самая усердная и самоотверженная деятельность интеллигенции будет слаба и недостаточна. Когда же будет сделано все это, хватит у червонорусов, наверно, и решимости настойчиво потребовать от правительства всех принадлежащих им прав, и тогда добьются они всего того, в чем теперь так нуждаются, чтобы сделаться, наконец, действительными хозяевами на своей праотеческой, родной русской земле!

Источник: Прикарпатская Русь в политико-национальном отношении. Post lenebras lux // Благовест. Приложение к «Русской беседе». 1895. Январь. С. 54—63.

Source: Prikarpatskaya Rus' v politiko-natsional'nom otnoshenii. Post lenebras lux [Carpatho-Rus' in Political-National Relations. Post lenebras lux]. *Blagovest*. Prilozhenie k "Russkoi besede". 1895. January. pp. 54—63.

УДК 94(436).08+94(477)
UDC
DOI: 10.17223/23451734/9/4

РУССКО-БУКОВИНСКИЕ ДЕЛА

Автор неизвестен

Резюме

В статье, состоящей из двух частей, рассказывается об истории присоединения Буковины к Австрии и о создании русинских политических движений. Показаны становление «старорусов» и их борьба с возникшим украинофильским движением. Описаны попытки поляков из Галиции вести католическую и униатскую пропаганду в Буковине и румынизаторская политика православной церкви.

Ключевые слова: русины, Буковина, Галиция, румыны, русинское движение, украинофилы, католичество, православие, униатство.

RUSSO-BUKOVINIAN ACTIVITY

Author unknown

Abstract

The article, compiled of two parts, tells of the history of the annexation of Bukovina by Austria and the formation of Rusin political movements. It shows the establishment of "Old Rus'" and its struggle with the newly-arisen ukrainophile movement. It tells of the attempts of the Poles from Galicia to push Catholic and Uniat propaganda in Bukovina. It tells of the politics to "Romanization" the Orthodox Church.

Keywords: Rusins, Bukovina, Galicia, Rumanians, Rusin Movement, Ukrainophiles, Catholicism, Orthodoxy, Uniate.

Борьба между поляками и русскими в Австрии в последнее время распространилась из Галичины также и на соседнюю с ней провинцию — Буковину. И здесь эта борьба происходит на национально-религиозной, как и в Галиции, почве.

Занимая пространство около 184 кв. миль, княжество Буковина расположено на северо-восточном склоне Карпат, между Белым Черемошем (притоком Прута), Днестром, русской Бессарабией и

Румынией. Юго-западная часть ее — гористая, с продолговатыми долинами, а северо-восточная — плоская и напоминает своим видом соседнюю Подолию. Благоприятный климат и плодородие почвы издавна привлекали сюда поселенцев.

С тех пор как Восточная Европа сделалась ареной исторической жизни, этот уголок занял выдающееся место. Особенное значение приобрел он в конце средних веков, когда турки завоевали Балканский полуостров, Молдавию и Валахию. Буковина была местом, где происходили столкновения между поляками и турецкими полчищами. Так как отсюда можно было легко вторгаться в Семиградию, Северную Венгрию, Галичину и Молдавию, то поляки и угры стремились овладеть этим краем. Угры считали его принадлежащим к Семиградии и не хотели допустить, чтобы он достался полякам.

Ввиду стратегической важности Буковины необходимо упомянуть об этнографических отношениях этого края, так как, кроме природных свойств страны, национальные особенности жителей имеют в этом отношении немаловажное значение.

В этом отношении самым крупным событием было завоевание Дакии римским императором Траяном в 106 г. и поселение в ней итальянских выходцев. Хотя в 271 г. римляне уступили Дакию готам, но их поселенцы сумели сохранить свою народность в последующее время переселений и вторжений иноплеменных народов. Остались ли они в нынешней Семиградии или вместе с римскими легионами искали убежища на Балканском полуострове, еще до сих пор не выяснено историей. В шестом, седьмом, восьмом и девятом веках в нынешней Семиградии, Валахии и Молдавии мы видим славян, давших горам, рекам и местностям славянские названия, сохранившиеся до сих пор.

Другим крупным событием, определившим дальнейший ход истории восточноприкарпатских стран, было вторжение угров в Паннонию в конце девятого века. При уграх исподволь падает славянская стихия Семиградии и Молдаво-Валахии, и вместо нее выступают на сцену румыны. Славяне, ослабленные, с одной стороны, степными народами — печенегами, потом половцами и татарами, с другой же стороны — уграми, должны были уступить свое место румынам. Румынская стихия распространялась из двух местностей, служивших, кажется, долгое время для нее убежищем: из Фогарашских гор (на юге Семиградии) и Мараморошских гор (на севере Семиградии). Из первой области вышли поселенцы Валахии, из второй — Молдавии и Буковины. Румыны постепенно поглотили остатки славянского населения Семиградии, Молдавии и Валахии, приняв, однако, его гражданскую и религиозную образованность. Древнеславянский язык был у них не только языком церкви и школы, но также и управления.

Таким образом, можно считать румын славяно-романским народом.

Своим успехом, как показывают этнологи, румынская национальность обязана румынским женщинам. Они, как утверждают посторонние наблюдатели, плодовитее славянских женщин, старательнее ухаживают за детьми и ревниво охраняют свою народность. Иноплеменники, женившись на румынках, примыкают к румынской народности.

Буковина вместе с Молдавией получила свое румынское население в конце XIII в. из Мараморошской котловины над Верхней Тисой и гор, окаймляющих Семиградию с севера. Вероятно, румыны нашли здесь много славян, с которыми и смешались, так как черты лица и телосложение буковинских и молдаванских румын мало подходят к римскому типу, довольно резко выступающему только в Валахии.

Сходство между молдавскими румынами и славяно-русами, населяющими Червонную Русь, вместе с единством образованности, основанной на славяновосточной церкви, были впоследствии причиной дружеских отношений молдавских румын и червонорусов. Когда в 15, 16 и 17 вв. поляки и латинское духовенство всеми силами притесняли православных в Галичине и стремились ополячить и окатоличить ее население, червонорусы не вынесли бы ужасного гнета и могли бы совершенно погибнуть, если бы не помощь православных господарей Молдавии, помогавших сооружению церквей и снабжавших их церковной утварью, а также оказывавших нравственную поддержку единоверцам. Тесная духовная связь между православными церквами и монастырями в Червонной Руси и Молдавии тянется в продолжении всего этого периода.

В 1769 г., во время турецкой войны, Россия заняла Буковину и держала ее в своей власти до 1775 г. В 1774 г. австрийская императрица Мария потребовала возвращения этого края, принадлежащего будто бы Семиградии. Она желала обеспечить в стратегическом отношении Семиградию и Галичину со стороны России. Россия удовлетворила ее требования, и Буковина 25 февраля 1777 г. была объявлена австрийской областью. Согласно взгляду австрийского правительства, смотревшего на тот край с точки зрения военной тактики, он был подчинен военному управлению вплоть до 1786 г.

В 1783 г. вновь приобретенный край посетил император Иосиф II, приписывавший, как известно, школе значение политического орудия. Ввиду этого он приказал генералу Сплени, правителю страны, устроить народные школы с немецким языком как главным, а также и с валашским. Учителей приглашали из Угрии и Семиградии. Согласно с Бидерманом (Bidermann. Die Bukowina unser oesterreichischer Verwaltung. Lemberg. 1879, p. 75), имевшим под руками бумаги государственного

архива, уже тогда некоторые из чиновников, знакомых с жизненными условиями новой области, обращали внимание австрийского правительства на местных русских как на стихию, наиболее пригодную для образовательных целей. «Русские в Буковине, — говорится в одном из докладов, — не так хитры, как румыны; они трудолюбивее и лучшие земледельцы»... Однако австрийское правительство по отношению к Буковине руководилось иными соображениями, отличными от ее планов относительно Галичины. В Галичине правительство Иосифа II сочло целесообразным признать существование русского народа и даже поддержать его, чтобы получить в нем противовес польским стремлениям. В Буковине поляков не было, и австрийское правительство выдвинуло здесь на первое место румынов предпочтительно перед русскими, соединенными с Россией языком и религиозными верованиями. В Галиции русские были сплошь униаты, а в Буковине — православные. В 1775 г. здесь числилось 45 мужских и 9 женских православных монастырей и ни одного униатского.

Таким образом, Буковина получила немецко-румынскую окраску. В училищах преподавание велось на немецком и на валашском языках, административным языком был язык немецкий, в провинцию нахлынули немецкие чиновники, ремесленники и купцы. Население стало смешанным, что и до сих пор составляет ее отличительную черту. Кроме исконных жителей — малороссов и румын, здесь живут немцы, чехи, мадьяры, евреи, армяне и русские старообрядцы, поселившиеся в 1783 г. при императоре Иосифе II.

Пренебрежение австрийского правительства к русским в Буковине в конце XVIII и начале XIX века породило у некоторых писателей мнение, что во время присоединения Буковины к Австрии здесь не было русских, и что они только в продолжение XIX в. последовательно переселились сюда из Галичины. Этот взгляд опровергается, однако, тем обстоятельством, что в основанной там в 1786 г. духовной семинарии (Clericalschule) в 1800 г. на 54 воспитанника приходилось две трети русских (Bidermann). Были здесь и русские православные приходы, так как императорский рескрипт от 20 февраля 1784 г., вводящий в Буковине метрические книги, был составлен на немецком и русском языках. Как образец книжного русского языка, существовавшего в то время в Буковине, приводим некоторые выдержки из этого рескрипта:

«Мы, Иосиф II, милостью Божией избранный император Римский, всегда царстве прибавитель, король Германии, Венгрии, Чешский, Галиции и Лодомерии и прочая, великий князь Австрии, князь Бургундии и Лотарингии и проч., и проч.

Реестры или метрики родящихся, венчающихся и погребающихся так ради общего правления, яко и знаменитых особенных фамилий,

весьма суть полезны. Общее правление получает оттуда о помножении или умалении числа родящихся, бракосочетаний, о большем или меньшем числе умирающих полезное уведомление…

§ 1. Всякий иерей того ради должен от первого текущего мая текущего лета в своей парафии три книги иметь, т. е. ради записывания венчанных, книгу ради записывания родящихся и книгу умираемых (sic). Книга венчаемых должна ведлуг формуляра, под номером I прилученном, следующие иметь рубрики: год, месяц и день венчания, номер дома, имя и прозвание жениха, исповедание веры и сколько лет, младенец (sic, очевидно, полонизм: mlodzieniec) ли или вдовствующий, имя и прозвание невесты, ее исповедание, коего века, дева ли или вдовствующая, имя и прозвание свидетелей и сан их… Дан в нашем престольном граде Ведне 20 дня месяца февраля 1784.

Римского же наследственного владения двадесять четвертого года. Иосиф м. и. — Иоанн Руд. граф Хотек. По приказу Его цесарскаго величества власною рукою: Иоанн Венцеслав Марчелек».

Однако устранение русского языка из училищного преподавания придавило умственную жизнь русских. Выходившее из немецких школ поколение отчуждалось от народа, в разговоре употребляло немецкий или румынский язык, онемечивалось или орумынивалось. Особенно немецкий язык приобрел подавляющий перевес. На нем говорили не только чиновники и учителя, но и православные священники и румынские бояре. По-русски говорило только простонародье, и если у отдельных образованных лиц иногда пробуждалась любовь к русской народности, то они были этим обязаны знакомству с великорусской письменностью. Между бумагами умершего в 1844 г. Гавриила Продана, брата экзарха Василия, найдено было в рукописи стихотворение, имевшее эпиграфом слова Державина:

Здесь всюду радость, плеск и лики
…….. здесь жизнь, любовь.

Как образец языка этой поэзии приводим из этого стихотворения отрывок:

От страни, юже буки обрастают,
Кою Карпат зефиры охлаждают
Дажь до бавар горы носящей бор
И больша Езера италиянов, —
До Еридона и Далмат Османов
И до преяростного сербска Истра —
Здесь есть насеяно весей-городов,
А в них от всех щастливших вид народов
И восклицающего звук оркестра.

(Напечатано в Буков. календ. на 1876 г.).

Как ни тяжела и ни неудачна эта поэзия, все же она свидетельствуете о благих намерениях ее сочинителя и о том участии, которое имела великорусская письменность в деле пробуждения народного сознания русских в Буковине.

***

Национальное самосознание вспыхнуло в Буковине так же, как и в Галиции, — в 1848 г. Кстати, будет сказано, что 1 мая 1786 г., после устранения военной администрации, Буковина была присоединена к Галиции под названием Черновицкого округа. Движение, охватившее в 1848 г. Галицию, весьма естественно увлекло также и Буковину. Хотя венское правительство, занимавшееся с эпохи Великой французской революции делами Западной и Средней Европы и обращавшее мало внимания на Буковину, в 1849 г. отделило опять Буковину от Галиции и сделало ее, по стратегическим расчетам, отдельной провинцией — все же, однако, зародившееся в 1848 г. русское национальное движение не погибло. Русский язык наравне с валашским получил доступ в народные школы и средние учебные заведения. Первым доказательством пробуждения умственной жизни буковинских русских была появившаяся в 1849 г. книга «Песни, псалмы и стихи Василия Ферлеевича». Есть тут и духовные стихотворения, песнь в честь православного митрополита Евг. Гакмана и стихотворение в честь императора Франца Иосифа. Язык книги напоминает язык Гавриила Продана. Затем печатные произведения на русском языке начали появляться все чаще и чаще. Выдающимся поэтом страны, однако, можно считать Юрия Федьковича (Гординского).

На Юрии Федьковиче отражается перелом в культурном развитии Буковины. Он родился в 1834 г. в селе Сторонне-Путилове; отец его был дворянин и занимал должность мандатора (нечто вроде теперешних земских начальников в России) в Путилове, а мать — дочь православного священника. Униат-отец велел крестить сына латинскому ксендзу. Перейдя на службу в Черновицы, отец начал пить и бросил жену и детей. Мать была принуждена сама трудиться и воспитывать пятерых детей. В 1852 г. Юрий Федькович был зачислен в рекруты и сначала служил денщиком у своего капитана. Имея страсть к учению, он научился самоучкой говорить по-французски и по-немецки, много читал и настолько образовал себя, что в 1859 г. был произведен в офицеры. Находясь с полком в Черновицах, он познакомился с преподавателем черновицкой гимназии Рудольфом Нейбауэром, который посоветовал ему испробовать свои силы в области поэзии. Федькович начал писать стихи по-немецки, но русские его друзья Антон Кобылянский и Константин Гарбаль научили его читать и писать по-русски и убедили писать стихи на местном буковинско-русском

наречии. С молодым поэтом сблизился редактор львовской газеты «Слово» Богдан Дедицкий, приобретший его окончательно для русской литературы и издавший в 1862 г. собрание его стихотворений.

Буковинская Русь нашла отличного организатора в лице Василия Продана, бывшего сначала священником в Лашковцах Коцманского уезда, а потом соборным проповедником и экзархом в Черновицах. О. Василий (род. в 1809, ум. в 1880 г.), поселившись в 1865 г. в Черновицах, посвятил последние годы своей жизни заботам о том, чтобы в столичном городе Буковины образовать центр русско-народной жизни. По его почину осенью 1868 г. было основано литературное общество «Русская беседа», председателем которого он состоял целых десять лет. Чтобы объединить русских на политическом поприще и упорядочить их политическую деятельность, о. Василий основал в 1870 г. политическое общество — «Русскую раду».

Продан взялся за сплачивание русских сил в Буковине весьма своевременно, когда в Галиции польская политика успела путем украинофильства разъединить тамошних русских. Действительно, около 1870 г. галицкие украинофилы под покровительством поляков организовали партию, задававшуюся пока литературными целями. В Буковине у них приверженцев не было, за исключением одного судейского чиновника Михаляка, не пользовавшегося большим влиянием.

Галицкие украинофилы обратили свое внимание на Буковину и пригласили оттуда во Львов в 1872 г. Юрия Федьковича. Он заключил с ними договор, в силу которого обязался за 50 р. ежегодного жалованья доставлять 24 печатных листа в год различного рода литературных произведений: повестей, стихотворений и т. п. Федькович прибыл во Львов в 1872 г., но пробыл в нем только 14 месяцев, так как у него возникли недоразумения с заправилами львовской украинофильской партии. Он разочаровался в галицких украинофилах. Они, как потом утверждал он, представились ему с самой дурной стороны, обнаруживая крайнее самолюбие и стремление к чинам и материальным благам. Но, несмотря на полученные им во Львове впечатления, он не охладел к направлению, пробивавшемуся в украинской словесности. Проникнувшись немецкой пессимистической философией Шопенгауэра и будучи по натуре склонен к мистицизму, он полюбил Шевченко и пытался подражать ему в сетовании на человеческую нужду.

О. Василию Продану удалось соединить буковинских русских для общей деятельности. Хотя кафедру русской словесности в Черновицком университете, основанном в 1875 г., занял украинофил Онышкевич и в Буковину прибыло несколько украинофильствующих чиновников, из которых наиболее деятельным был Тит Ревакович,

судья в Садогоре, однако при жизни Продана малорусский сепаратизм не мог никак привиться в большинстве буковинского населения. Только когда не стало Продана, совершилось это. После его смерти малорусские сепаратисты взяли верх в «Русской беседе» и в обществе «Народный дом» и вытеснили из них старорусов, признававших литературное и национальное единство малороссов с великороссами. Вождями сепаратистов были член областного окружного суда в Черновицах Ис. Винницкий, униатский священник Целестин Костецкий, занявший кафедру русской словесности по смерти Онышкевича, экстраординарный профессор университета Смаль-Стоцкий, чиновник Министерства финансов Тыминский и несколько других лиц. Их было мало, партия их была слабее старорусской, но она производила много шума и много кричала о себе. Правительство вначале не благоволило им в лице своего представителя — областного президента Алезани, но потом велело его преемникам барону Пино и графу Пачи помогать им и стараться поддержать малорусское сепаратическое движение. Благодаря поддержке правительства, украинофилы в 1887 г. основали в Черновицах маленький журнал «Буковину», первым редактором которой был вышеупомянутый Федькович. Старорусы остались без собственного органа, так как их литературная газета «Родимый листок», выходившая с 1879 г., в 1882 г. прекратила свое существование благодаря тому, что редактор ее Н. М. Огоновский, замешанный в политическом процессе Ольги Грабарь во Львове, был заключен в тюрьму и вынужден был отказаться от публицистической деятельности. Старорусы помещали свои литературные труды во львовских старорусских печатных органах. В Буковине старорусское направление поддерживали учителя — свящ. Шанковский, профессор славистики в Черновицком университете Калужняцкий, Браник, вышеназванный Огоновский, Кирилович, Глебовицкий, Билинкевич и доктор медицины Василий Волян.

***

Подъем малорусского сепаратизма в Буковине совпал с временем международного осложнения в области европейской политики вследствие возникновения союза Германии с Австро-Венгрией, к которому примкнула Италия. Австро-Венгрия еще с 1870 г. начала обращать большее внимание на буковинские дела вследствие влияния Бисмарка, толкавшего ее на Восток. Из того же источника отчасти родилась мысль основать в Черновицах немецкий университет; мы говорим «отчасти», так как, кроме этого, правительством в этом деле руководили и другие соображения. Так как Львовский университет как раз в это время приобрел чисто польский характер, то тогдашнее министерство сочло нужным учредить в северо-восточной части монархии

новый очаг немецкой культуры, долженствовавший поддерживать немецкую национальность в Галиции и Буковине. Итак, Черновицкий университет мог быть лишь отчасти плодом международной политики. Но другое явление — переселение поляков в Буковину, начавшееся с 1880 г., было, несомненно, плодом германской политики, стремящейся отвлечь поляков к Востоку, занять их румынскими и малорусскими делами и лишить их, таким образом, возможности отстаивать польскую национальность в Силезии, Познани и Пруссии.

До 1880 г. в Буковине было немного поляков, всего несколько тысяч ремесленников и разночинцев. Нужно сказать, что, где ни появляются поляки, там, хотя бы число их было самое ничтожное, они организуются, соединяясь в общества. В 1869 г. они основали в Черновицах общество под названием «Чительня» с обширной программой, обнимавшей, кроме задач благотворительности и взаимной материальной поддержки, также и литературно-культурные цели в виде устройства спектаклей, музыкальных вечеров, гимнастических клубов, распространения польских книг и поддерживания родной словесности. Другая «Чительня» с такими же целями возникла в местечке Вашковцах.

Начиная с 1880 г., поляки начали наплывать в Буковину во множестве. Это были уже не ремесленники и разночинцы, а чиновники, учителя, монахи, помещики, иезуиты — вообще люди образованные. Архиепископ Фелинский, покинув Россию, поселился в Черновицах. В 1882 г. был основан польский журнал «Газета польска», выходящий до сих пор в Черновицах. Поляки сейчас же заключили союз с армянами и малорусскими сепаратистами. Наиболее деятельными лицами в вопросе о соединении и укреплении польских сил в этом крае были помещик барон Капри, армянин Григорий Богданович, чиновники и учителя Мяновский, Дылевский, Дворский и ксендз Фишер. Возникли новые польские общества: «Коло польское» для управления политическими делами буковинских поляков, «Коло пан» (общество польских женщин), «Сокол» (гимнастическое общество), «Огниско» (общество студентов университета). Все эти общества находятся в Черновицах. «Чительня польская» приобрела в собственность два дома, и ее библиотека возросла до 8000 томов. Поляки вскоре купили десять поместий и усилились до того, что в 1892 г. избрали четырех депутатов в сейм (на 30 депутатов). В настоящее время в Черновицах числится до 10 000 поляков, в черновицкой же гимназии в 1893 г. было 87 учеников польской народности, почти столько же, сколько было в ней русских (100) и румын (98). Польские чиновники при первом же своем появлении в этой области показали себя с плохой стороны. Начальник финансового ведомства провинции гофрат Тршцинецкий,

советник Шпендлинг и таможенный чиновник Коберский занимались взяточничеством, действовали рука об руку с контрабандистами и совершили множество подлостей. Венское правительство решилось наказать виновных, но, не доверяя черновицкому суду, назначило разбирательство дела в венском суде. Последний в 1892 г. приговорил Тршцинецкого к 4-летнему, Шпендлинга — к 3-летнему, Коберского — к 2-летнему тюремному заключению, а некоторых других чиновников — к меньшим наказаниям. Этот процесс подорвал несколько положение поляков в Буковине. Осенью 1892 г. гр. Паче, человек вспыльчивый и задорный, поссорился с областным маршалом Мустацци и покинул пост областного президента (управляющего финансовыми и политическими делами провинции), и его место занял барон Краус. Краус лишил поляков и украинофилов правительственной поддержки и склонился на сторону румын и старорусов. Буковинские украинофилы обратили свои взоры на наместника Галиции гр. Казимира Бадени и оттуда стали получать поддержку.

Против польского вторжения восстали румыны. Когда в июле 1892 г. польские «соколы» (гимнасты) прибыли в Черновицы из Львова, их встретил далеко не радушный прием: румыны их поколотили. Православное духовенство Буковины встревожилось латино-польской пропагандой, и митрополит Сильвестр Морарию-Андриевич принужден был призадуматься над вопросом об охранении православия. На успехи унии он пока не может, однако, жаловаться. В 1835 г. в Буковине было 14 униатских приходов с 41 089 исповедниками. Несмотря на то, что в 1884 г. учреждено было вблизи Буковины униатское епископство в Станиславове, могущее воздействовать в униатском духе на Буковину, оказалось, однако, что в 1893 г., хотя прежнее число униатских приходов увеличилось до 16, число униатов уменьшилось до 23 864 душ. Число униатов увеличилось лишь в Черновицах с 5 597 (в 1835 г.) на 7 484 душ. Также половина села Раранча перешла в унию. Зато в г. Сучаве число униатов уменьшилось с 4 679 (1835 г.) до 1 780 (1893 г.) и в Коцмане — с 3 259 до 540 душ. Католическая и униатская пропаганды могут, однако, рассчитывать на успех, если буковинский православный митрополит будет и впредь вести румынизаторскую политику и стараться, как это до сих пор делалось, румынить русских. Под управлением только что скончавшегося недавно митрополита Сильвестра Морарию-Андриевича число православных священников, владеющих русским языком, уменьшилось, и в чисто русских приходах поставлялись румынские священники, не умеющие говорить с народом на его родном языке. Среди таких обстоятельств православные русские в Буковине ради сохранения своей национальности поневоле принуждены будут

примкнуть к униатам. В этом намерении их утвердят и поддержат поляки, старающиеся латинить галицких русских, *ибо православные буковинцы всегда действовали и будут действовать* в православном, противном католичеству духе на своих соплеменников в Галичине. Ведь покойный о. Наумович первое побуждение в православном направлении получил из Буковины. Румынизаторские замашки проявляет также «Общество румынских дам», задавшееся целью румынить русских девочек.

Вмешательство поляков в румынские дела возмутило не только православное духовенство, но и мирских лиц — политических представителей румынского народа. Осенью 1892 г. возникла в Вене распря между «Польским колом» и румынскими послами. «Польское коло» имело особое заседание для обсуждения буковинских дел. Доктор Витольд Левицкий сваливал всю вину румынского антагонизма на президента области барона Крауса и предложил от имени «Кола» послать депутацию к министру внутренних дел с просьбой о том, чтобы он взял под свою защиту «славянское» население Буковины. Румыны же обратились к Гогенварту, прося у него заступничества. Распря возобновилась в мае 1894 г., а так как поляки настойчиво требовали удаления барона Крауса, то правительство, зависящее главным образом от поляков и немцев-либералов, вынуждено было удовлетворить их желание. Барон Краус получил отставку, а его место занял в июне 1894 г. новый президент Гоэс.

Поляки самой главной задачей своей считали привить к тамошним русским малорусский национальный сепаратизм. Стремления их в этом деле сошлись, по-видимому, с германской политикой, пытающейся направить поляков на Восток. Одновременно, когда философ Гартманн писал свою книжку о необходимости раздробления России и учреждения нового малорусско-польского государства с столицей в Киеве, немец Гартнер, профессор Черновицкого университета, уговорил своего сослуживца Смаль-Стоцкого выступить с предложением введения украинского фонетического правописания в русских школьных учебниках Галичины и Буковины. Политика перенеслась на лингвистическое поле. Интерес германской политики требовал, чтобы русские Австро-Венгрии сознавали себя отдельным от великороссов народом, а так как, по мнению языковедов, письмена просветителей славян свв. Кирилла и Мефодия дали начало славянской письменности, то, должно быть, рассуждали немецкие политики, новое правописание положит основание новой малорусской национальности. Для славян, по мнению немцев, буква и внешнее изображение слов составляют главную вещь в духовной области. Ведь исправление текста богослужебных книг дало начало русскому расколу. Особое

правописание может внести раскол в национальную область русских.

Эти расчеты не обманули. Вопрос о правописании еще более разъединил русских в Австрии и вырыл непроходимую пропасть между украинофилами и так называемыми старорусами. Министр просвещения Гауч рескриптом от 1886 г. пригласил школьные рады (областные управления по учебному делу) Буковины и Галичины составить съезды для обсуждения вопроса о правописании, собственно для введения в учебники правописания, употребляемого украинцами в их простонародной литературе и в словаре Желеховского. Оба съезда заявили себя против украинского правописания. Проект предложен был собраниям учителей народных школ в отдельных уздах. Учителя уездов Черновец, Выжница, Сторожинец и Радовец высказались против замены азбуки, за нее подали голоса учителя уездов Сочава, Коцман и Серет. Сама же буковинская школьная рада на заседании 23 августа 1892 г. отклонила фонетику как неуместную по научным и дидактическим соображениям, но должна была свои убеждения принести в жертву политике ввиду настойчивых требований тех, которые решились во что бы ни стало дать новое направление умственной и политической жизни малороссов. Спустя семь дней после упомянутого заседания школьная рада приняла обратное решение и постановила 30 августа ввести фонетику в школах Буковины на пробу. С начала учебного года 1894 фонетика в силу министерского распоряжения сделалась обязательной для Галичины и Буковины, несмотря на многочисленные протесты населения.

Одновременно с мерами, предпринятыми на литературном поле, началась горячая борьба в политической и общественной областях против старорусов, не желающих служить орудием немецкой и польской политики… Как можно политику вводить в словесность и законы, управляющие умственной жизнью народов, извращать для политических целей? — возражали они. Как надо писать, как следует правильно говорить, может решить единственно наука. Для чего немцы и поляки у себя не вводят фонетики? Для чего немцы и поляки не пишут на простонародных наречиях, а развивают общий литературный язык и настаивают на его правильности? Должны ли малороссы быть глупее, чем они, для того чтобы тем легче они могли сделаться добычей иностранцев?

Эти возражения возбудили гнев у противной стороны, и вот началось гонение на отдельных лиц из старорусов, чтобы таким образом напугать прочих. Львовское «Дело», черновицкая «Буковина», «Газета польская» и «Bukowiner Nachrichten» подняли крестовый поход против старорусской партии, прежде всего против Козарищука, редактора выходящей в Вене «Науки», и Купчанка, редактора-издателя «Русской

правды» (теперь «Просвещение»). Их газеты расходились среди крестьян Буковины и имели большое влияние на население. В 1892 г. появилась книжка «Руско пытанье (вопрос) на Буковине — обговорив буковинский православный русин», Черновцы, 1892, направленная против старорусов и упрекающая их в неблагонадежности по отношению к Австро-Венгрии. «Русины должны, — говорится в этой книжонке, — во всем повиноваться правительству, ибо они многим одолжены ему; правительство желает лишь блага для них; оппозиция против реформ в школьной области и на политическом поприще неуместна». Как известно, в Австрии как конституционной державе нет правительства с прочной, постоянной программой по внутренней и внешней политике, но вследствие зависимости министерства от парламента состав последнего придает направление управлению государства. Так как состав парламента при новых выборах может перемениться, то с новым парламентом может стать во главе государственных дел новое правительство, руководящееся теми правилами, за которые прежние заправилы преследовали. Поэтому повиновение правительству имеет в Австрии собственно значение подчиненности партиям, приобретшим случайно перевес на выборах. Чтобы избегнуть взаимного притеснения партий, Конституция обеспечивает за каждым гражданином свободу мнения по государственным делам, требуя лишь повиновения законам, и потому законная оппозиция против правительственных распоряжений там дозволительна. Кто стоит в оппозиции с временным правительством, тот еще не государственный преступник, он даже может быть лучшим австрийским патриотом, чем временные заправилы. Поэтому требование, чтобы русские слепо повиновались правительству в Австро-Венгрии, не имеет смысла; оно значит, собственно, что русские должны отказаться от дарованных им Конституцией прав, сделаться орудием германо-мадьяро-польской политики.

Таким образом, наслушавшиеся правительства буковинцы вовсе не поступали против государственных законов, а, напротив, действовали в их духе. Несмотря на это, государственная прокуратура в Черновцах затеяла полицейский процесс против старорусской партии. Она предложила 13 декабря 1892 г. областному суду возбудить судебное следствие против Даниила Михайловича Козарищука, редактора «Науки», будто бы по поводу нарушения им общественного порядка. Преступление Даниила Козарищука состояло будто бы в том, что в своем журнале он осуждал экономические отношения и условия быта русских крестьян в Галичине и Буковине с преступной целью, направленной против австрийской администрации и будто бы вредной ее авторитету, и восхвалял с преувеличением заботливость

русского правительства о хозяйственном благосостоянии крестьян в России. Кроме того, он будто бы хотел подстрекать русских крестьян против администрации посредством личного влияния на них в этом духе на месте их жительства. Козарищука подвергли строгому следствию. Его арестовали 21 декабря 1892 г. в Вене. Так как венский суд очень легко мог признать Козарищука невиновным, то черновицкий суд затребовал переведения подсудимого в Черновцы, несмотря на то, что он был дряхлым, немощным стариком, страдавшим опасной болезнью сердца, десять лет не был в Буковине и свое мнимое преступление совершил единственно в Вене. Требование черновицкого суда было в противоречии с предписаниями австрийского уголовного судопроизводства, Судьбой несчастного занялся младочех д-р Вашатый; он изложил 11 января 1893 г. все дело в венском парламенте и склонил министра юстиции в пользу подсудимого. Козарищук остался под арестом в Вене, и так как следствие не раскрыло никаких улик по государственной измене, то его отпустили на волю. Судебное следствие было возбуждено также против Григ. Ив. Купчанка, редактора-издателя «Русской правды», но было приостановлено. Таким образом, затеянный политический процесс не мог состояться благодаря вмешательству Вашатого и относительному беспристрастию венского суда. В него не могли быть вовлечены и другие лица из среды буковинцев.

Борьба против старорусов пошла иным путем. В 1892 г., 23 марта, состоялись новые выборы в буковинский сейм из сельских общин. Из русских избраны были доктор медицины Василий Волян, Ерофей Пигуляк, Иван Тыминский и Стефан Смаль-Стоцкий. Несмотря на свою малочисленность, они разделились на две партии. Волян и Тыминский объявили себя сторонниками старорусской исторической партии и примкнули к православным румынам, а Пигуляк и Смаль-Стоцкий как приверженцы польского украинофильства стали орудием поляков и немцев. Осенью, при дополнительных выборах, был избран депутатом еще о. Бежан, православный русский из Становец, который и примкнул к двум старорусским депутатами. В то время как эти три старорусских депутата вели себя сдержанно и избегали партийной борьбы, украинофилы Пигуляк и Смаль-Стоцкий не упускали случая на каждом заседании идти против старорусов. Особенно больно задело их избрание Тыминского в члены краевого выдела (исполнительного органа сейма), с должностью которого соединено большое жалованье. Они прочили это выгодное место одному из своей партии. Им содействовало, по-видимому, правительство, так как начальник Тыминского советник Герцог запретил ему в ноябре 1893 г. участвовать в заседаниях выдела, предоставляя ему на выбор либо подать

в отставку от правительственной службы, либо отказаться от звания члена краевого выдела. Тыминский предпочел второе, и его противники могли похвалиться победой над ненавистным человеком, которого они тем более преследуют, что он прежде был горячим приверженцем украинофильства, теперь же, убедившись в непригодности, даже вреде для развития малороссов того направления, какое под влиянием поляков придается в Галичине украинофильству, он стал на сторону исторической старорусской партии. Мероприятия власти относительно Тыминского противоречат законам государства, так как основные государственные законы оставляют за чиновниками право быть избираемыми в державные и областные представительства. Много государственных чиновников состоят депутатами в сеймы и Венскую державную думу. В Львове есть судебский чиновник д-р Дамиан Савчак, состоящей членом краевого выдела, но это не мешает ему оставаться в государственной должности. Но с ним другое дело: он малорусский отщепенец и ничем не противодействует польским политикам.

Ненависть буковинских малорусских отщепенцев выбрала было себе предметом происков также студенческое общество «Буковину», основавшееся 3 (15) мая 1888 г. Оно не было многочисленно; из 35-40 русских студентов Черновицкого университета принадлежало к нему обыкновенно 25 — 30 членов. Его вина в глазах сепаратистов состояла в том, что его члены обучались русскому литературному языку, разговаривали на нем и старались в Буковине распространить знание великорусского языка и его литературы. У него была библиотека из 600 томов русских научных сочинений. Против этого общества ратовал Пигуляк в 1893 и 1894 гг. В начале 1894 г. в одной из своих речей в сейме назвал он это общество пагубным для государства и затребовал против него полицейских мер. Эта пагубность, по его мнению, состояла в употреблении молодежью в разговоре русского литературного языка, в научных книгах, находившихся в библиотеке общества. Пигуляку и Смаль-Стоцкому вторила газета «Буковина», наполнявшая свои столбцы доносами и обвинениями в государственной измене членов упомянутого общества. Это была вода на мельницу для тех, которым «московское» общество было издавна бревном в глазу. Когда вскоре состоялось собрание этого общества и председатель стал говорить на русском литературном языке, правительственный комиссар воспретил говорить на этом языке и распустил собрание. По мнению правительственного комиссара, общество могло употреблять лишь местное буковинско-русское наречие в разговоре. Немного спустя, 5 июня, было закрыто и самое общество — под предлогом, что оно употребляете «российский»

язык. Надобно знать, что нет закона в австрийской Конституции, на основании которого полицейские чиновники могли бы навязывать или воспрещать населению употребление известного языка.

События, совершившиеся в последние года в политической и общественной жизни русских в Австрии, подорвали украинофильство в этом государстве и отняли у него то сочувствие, коим оно прежде пользовалось. Украинофилы прежде представляли собой борцов за «волю» и возвышенные идеалы человечества. Они указывали на гонения, которым подвергаются их соумышленники в России, и это возвышало их значение. Молодежь пристрастилась к поэту Шевченко, и ежегодно почти каждый город Галичины и Буковины чествовал его память. Но вскоре украинофилы обнаружили другие стороны своей партии. Как только поляки и немцы задумали употребить их как политическое орудие, они сейчас же оказались готовы к услугам – как у нас говорят, за деньги и доброе слово, т. е. за чины, материальные выгоды и льстивые слова. Темная сторона прежнего казачества, готового служить и Польше, и туркам, и исполнять должность придворной прислуги, выступила в Австрии опять наружу, как бы в подтверждение теории Дарвина, по которой отличительные признаки прародителей, по-видимому, временно исчезнувшие, вновь возрождаются в дальнейших поколениях. Сами поляки должны были с негодованием признать, что их воспитанники гонятся за чинами, материальными выгодами и вовсе не могут считаться такими идеальными поборниками свободы и благородных принципов, какими они чванятся. Они давали себя избирать в депутаты при помощи побоев и всякого рода злоупотреблений. Как это согласить с благородством? Они нетерпимы к другой русской партии, клевещут на нее, возбуждают против нее полицейские власти единственно по той причине, что она не соглашается с их литературным взглядом. Как это согласить с их уверениями, что они стоят «за волю»? В России украинофильские литераторы состоят на государственной службе преподавателями гимназий и профессорами университетов; их никто не преследует. В Австрии украинофилы настаивают, чтобы противное им мнение, имеющее чисто научный литературный характер, считалось государственным преступлением, и чтобы каждого, кто ни заговорит по-великорусски, запирать в тюрьму… Если украинофилы, служащие до сих пор орудием, так поступают, что же произошло бы, если бы в их руках была власть?.. В Черновцах употребили украинофилы фонды обществ, попавших в их управление, в свою пользу. Известный Смаль-Стоцкий воспитывался в русской бурсе Ставропигийского института во Львове и по окончании курса наук, прежде чем сделался профессором университета, получал от редактора «Слова» В.М. Пло-

щанского пособия. Позднее, когда он получил кафедру в университете, он стал ругать Площанского и «москалей». У молодежи, проникнутой украинофильством, стали проявляться легкомыслие, наклонность к чувственным удовольствиям, неспособность к дельному труду и жажда легкой наживы.

Неудивительно, если в Галичине и Буковине стали иначе смотреть на украинофильство. Все больше стало утверждаться мнение, что украинская словесность с ее внутренним содержанием не может служить полезной духовной пищей и поднять образованность малорусского народа. Огорчение против украинофилов возросло до того, что один ученик гимназии во Львове публично наплевал на портрет Шевченко, другой же ругал этого поэта. Их исключили из школ. Напрасно защищали благороднейшие из украинофилов, например, д-р Олесницкий в Стрые, украинскую словесность и Шевченко, указывая, что лишь часть украинофилов поступает нечестно и то против идеалов Шевченко. Это мало помогло. Теперь поклонниками украинофильства состоят лишь люди трусливые, слабонравные, зависящие от поляков и правительства либо гоняющиеся за чинами.

Среди таких отношений старорусская партия в Буковине опять поднялась. Она основала 11 июля 1894 г. новое политическое общество «Народная рада»; признаком же падения малорусского отщепенства в Буковине является заявление недоверия Смаль-Стоцкому его избирателями, упрекнувшими гласно своего посла в действиях, вредящих русскому населению Буковины. В письме, отправленном к ему в июне пр. г., ставится ему, между прочим, в вину, что он прославляет «атеиста Шевченко». Движение против поклонения Шевченко — справедливо ли оно или нет – подняло, очевидно, крестьян Буковины и вызвало это заявление. Старорусы получили также два новых повременных издания: «Православную Буковину», выходящую с 1893 г. в Черновцах, и «Просвещение» (бывшая «Русская правда») в Вене.

Малорусские отщепенцы, чтобы спасти свое положение в Буковине, на днях выступили с предложением раздела Буковинской православной епархии на части румынскую и русскую. Трудно предугадать, какие последствия были бы от этого для русских. Во всяком случае, мера эта была бы неканонична и породила бы распрю между румынами и русскими, живущими до сих пор, за малыми изъятиями, в согласии.

Источник: Русско-буковинские дела // Русская беседа. 1895. Май. С. 151–160; 1895. Август. С. 91–98.

Source: Russko-bukovinskie dela [Russo-Bukovinian Activity]. *Russkaya beseda*. 1895. May. pp. 151–160; 1895. August. pp. 91–98.

УДК 94(478)
UDC
DOI: 10.17223/23451734/9/5

ВКЛАД М. ШТЕФЭНЕСКУ В ИССЛЕДОВАНИЯ РУСИНСКОЙ ТОПОНИМИКИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Резюме

Профессор Ясского университета М. Штефэнеску внесла большой вклад в изучение русинской топонимики Карпато-Днестровских земель. В 1923 г. она защитила по этой теме диссертацию «Русско-русинские элементы в румынском языке и давность их бытования» («Elementele ruseşti-rutene din limba românescă şi vechimea lor»). В 1920-х гг. она опубликовала в ясском журнале «Arhiva» ряд статей по русинской топонимике исторической Молдовы. В своих работах исследователь доказала автохтонность проживания русинов в данном регионе.

Ключевые слова: М. Штефэнеску, русины, Карпато-Днестровские земли, топонимы, Молдавия, Румыния, Буковина, Бессарабия, Ясский университет.

THE CONTRIBUTION OF M. ŞTEFĂNESCU TO THE STUDIES OF THE RUSIN TOPONYMY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS**

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

** The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 “Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)”.

Abstract

M. Ştefănescu, Professor of the University of Iași, made a great contribution to the study of the Rusinian toponymy of the Carpathian-Dniester lands. In 1923 she defended her thesis on the topic "Russian-Rusin elements in the Romanian language and the duration of their existence" ("Elementele ruseşti-rutene din limba românescă şi vechimea lor"). In the 1920s she published a number of articles on the Rusin toponymy of historical Moldova in the journal "Arhiva" (Iași, România). In her works the researcher proved the autochthonousness of the Rusins living in this region.

Keywords: M. Ştefănescu, Rusins, Carpathian-Dniester lands, toponyms, Moldavia, Moldova, România, Bukovina, Bessarabia.

Среди исследователей, изучавших русинскую топонимику Карпато-Днестровских земель (исторического Молдавского княжества), имя Маргареты Штефэнеску занимает особое место. Ее изыскания приходились на 20-е гг. XX в., когда в составе Румынии, помимо Запрутской Молдовы, оказались и другие исторические земли Молдавского княжества (Буковина и Бессарабия). М. Штефэнеску преподавала в Ясском университете. В 1923 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Русско-русинские элементы в румынском языке и давность их бытования». В следующем году ее работа вышла отдельным изданием (Elementele ruseşti-rutene din limba românescă şi vechimea lor. Iaşi: Tipografia «Lumina Moldovei», 1924).

Она активно сотрудничала с журналом «Arhiva», который издавался с 1889 по 1940 г. в Яссах (за исключением периода 1917–1920 гг.). В 1922–1939 гг. выходило по четыре номера в год. Журнал был органом Ясского научно-литературного общества, которым руководил румынский историк А.Д. Ксенопол (1847–1920). С 1921 по 1940 г. издание редактировал И. Бэрбулеску, профессор славистики Ясского университета. Большинство статей того периода были посвящены истории и филологии. Особое внимание уделялось славистике. Это принесло журналу известность. Наиболее значительные наработки в этой области принадлежали Илие Бэрбулеску и Маргарете Штефэнеску, которая публиковала интересные исследования о русских (русинских) элементах в топонимии Молдовы, Буковины и Бессарабии (Zugun, Trocin 1972: 165–166).

В ее работе «Русские элементы в румынской топонимии» (Ştefănescu 1921) рассматриваются румынские топонимы восточнославянского происхождения с полногласием (*-oro-*, *-olo-*, *-ere-*), приводятся их производные, показано географическое распространение и географическое распределение. В статье «Другие русские слова русинского характера в румынской топонимии» (Ştefănescu

1922a) анализируются топонимические названия, содержащие *g*, которое восходит к *h*. В работе «Русские слова русинского характера в румынской топонимии» (Ştefănescu 1922b) производится лингвистический анализ ряда топонимов, которые, по мнению автора, имеют русинское происхождение.

Свои изыскания в данной области Маргарета Штефэнеску продолжила в работах «Румынские топонимы, оканчивающиеся на *-auţi*» (Ştefănescu 1922c) и «Русизмы / русинизмы в румынской топонимии» (Ştefănescu 1924), в которых она выявила этимологию ряда топонимов и установила связанные с этим лингвистические факты (Zugun, Trocin 1972: 166–167).

М. Штефэнеску обнаружила в топонимике Карпато-Днестровских земель большое количество русских слов (в оригинале – *ruseşti*), которые представляют собой специфический русский фонетический феномен, называемый полногласием. Оно выражается в наличии одной из групп *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-* в тех словах, где в западнославянских языках им соответствуют *-ро-*, *-ло-*, *-ре-*, *-ле-*, а в южнославянских *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-* (Ştefănescu 1921: 218). Эти названия встречаются только на территории исторической Молдовы. Правда, М. Штефэнеску считала, что полногласие в русском языке появилось с XII в. (Ştefănescu 1921: 228). На самом деле о полногласии в древнерусском языке следует говорить с VIII–IX вв. Поэтому можно предположить более древнее происхождение топонимов с полногласием на данной территории (Суляк 2018: 142).

М. Штефэнеску, говоря о распространении топонимов, в которых представлено явление, характерное для русского языка (переход *е* в начале или в середине слова в *о*), перечисляя данные названия, подчеркивает, что они встречаются на всей территории исторической Молдовы (Ştefănescu 1922b: 384).

Широко распространен в топонимике Карпато-Днестровских земель славянский суффикс *-овци*, который со временем претерпев переход *-в-* в *-у-*, преобразовался в *-эуць (-ăuţi)* и встречается в конце многих названий населенных пунктов (Ştefănescu 1922c: 499).

Названия с суффиксом *-ăuţi* обнаруживаются только в Буковине, Бессарабии и Западной Молдове, т. е. на землях исторический Молдовы. Как считала М. Штефэнеску, эти названия дали русины (rutenii).

Исследуя топонимы с русскими (русинскими) корнями и суффиксами, она отмечала, что такие слова обнаруживаются почти на всей территории Молдавского средневекового княжества. Так, из 869 слов указанного происхождения (к которым она добавила еще 29, относительно этимологии которых была не полностью уверена) в

Молдове между Карпатами и Прутом распространены в 312 случаях корни (плюс 24 – те, в связи с которыми есть сомнения), в 70 – суффиксы; в Бессарабии – в 45 случаях корни (плюс 2 сомнительных), в 119 – суффиксы. Остальные 107 распространены на других румынских землях: в Добрудже – 11 корней и 2 суффикса; в Мунтении – 50 корней, 3 сомнительных корня и ряд суффиксов; в Трансильвании – 12 корней и 4 суффикса (Ştefănescu 1924: 202).

Наличие большого количества топонимов русско-русинского характера на землях исторической Молдовы служит доказательством того, что здесь жил русско-русинский элемент (так у автора: elementul rus-rutean), от которого румыны-молдаване (românii-moldoveni) унаследовали эти топонимы и некоторые слова, бытующие в разговорной речи.

К сожалению, в настоящее время научное наследие М. Штэфэнеску, как и многих других румынских славистов, по каким-то причинам оказалось забытым.

ЛИТЕРАТУРА

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения молдавского княжества // Русин 1 (51). С. 134–161. DOI: 10.17223/18572685/51/10

Ştefănescu 1921 – *Ştefănescu M.* Elemente ruseşti în toponimia românescă // Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi. Anul XXVIII. Iaşi. 1921. Octombrie. № 2. P. 218–228.

Ştefănescu 1922a – *Ştefănescu M.* Alte cuvinte ruseşti, de nuanţă ruteană, în toponimica românească // Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi. Iaşi. 1922. Ianuarie. № 1. P. 64–75.

Ştefănescu 1922b – *Ştefănescu M.* Cuvinte ruseşti de nuanţă ruteană în toponimia românească // Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi. Anul XXVIII. Iaşi. 1922. Iulie. № 3. P. 372–384.

Ştefănescu 1922c – *Ştefănescu M.* Toponimice româneşti cu terminaţiunea *-ăuţi* // Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi. Anul XXVIII. Iaşi. 1922. Octombrie. № 4. P. 499–514.

Ştefănescu 1924 – *Ştefănescu M.* Rusismele-rutenismele din toponimia românească // Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi. Anul XXVIII. Iaşi. 1924. Iulie–Octombrie. № 3–4. P. 199–206.

Zugun, Trocin 1972 – *Zugun P, Trocin D.* Preocupări lingvistice în revista «Arhiva» (1889–1940) // Anuar de lingvistică şi istorie literară. XXIII. Editura Academiei: Iaşi, 1972. P. 165–171.

REFERENCES

Sulyak 2018 — Sulyak S.G. Rusin toponymy of Carpatho-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian Principality. *Rusin*. 2018. 1 (51). pp. 134—161 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/10

Ştefănescu, M. (1921) Elemente ruseşti în toponimia românescă [Russian elements in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi*. 2. pp. 218–228.

Ştefănescu, M. (1922a) Alte cuvinte ruseşti, de nuanţă ruteană, în toponimica românească [Other Russian words of the Rusin character in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi*. 1. pp. 64–75.

Ştefănescu, M. (1922b) Cuvinte ruseşti de nuanţă ruteană în toponimia românească [Russian words of Rusin nuance in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi*. 3. pp. 372–384.

Ştefănescu, M. (1922c) Toponimice româneşti cu terminaţiunea *-ăuţ*i [Romanian toponyms with the ending *-ăuţi*]. *Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi*. 4. pp. 499–514.

Ştefănescu, M. (1924) Rusismele-rutenismele din toponimia românească [Russian-Rusin words in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi*. 3–4. pp. 199–206.

Zugun, Trocin 1972 Zugun P, Trocin D. Preocupări lingvistice în revista "Arhiva" (1889—1940) [Linguistic Concerns in "Archives" (1889—1940)]. *Anuar de Lingvistică și Istorie Literară*. XXIII. Editura Academiei: Iași, 1972. pp. 165—171.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(478)
UDC
DOI: 10.17223/23451734/9/6

РУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУМЫНСКОЙ ТОПОНИМИИ[1]

М. Штефэнеску

Резюме

Профессор Ясского университета М. Штефэнеску внесла большой вклад в изучение русинской топонимики Карпато-Днестровских земель. В 1923 г. она защитила по этой теме диссертацию «Русско-русинские элементы в румынском языке и давность их бытования» («Elementele ruseşti-rutene din limba romînescă şi vechimea lor»). В 1920-х гг. она опубликовала в ясском журнале «Arhiva» ряд статей по русинской топонимике исторической Молдовы. В своих работах исследователь доказала автохтонность проживания русинов в данном регионе.

Ключевые слова: М. Штефэнеску, русины, Карпато-Днестровские земли, топонимы, Молдавия, Румыния, Буковина, Бессарабия, Ясский университет.

RUSSIAN ELEMENTS IN ROMANIAN TOPONYMY

M. Ştefănescu

Abstract

M. Ştefănescu, Professor of the University of Iași, made a great contribution to the study of the Rusinian toponymy of the Carpathian-Dniester lands. In 1923 she defended her thesis on the topic "Russian-Rusin elements in the Romanian language and the duration of their existence" ("Elementele ruseşti-rutene din limba romînescă şi vechimea lor"). In the 1920s she published a number of articles on the Rusin toponymy of historical Moldova in the journal "Arhiva" (Iași, Romania). In her works the researcher proved the autochthonousness of the Rusins living in this region.

Keywords: M. Ştefănescu, Rusins, Carpathian-Dniester lands, toponyms, Moldavia, Moldova, Romania, Bukovina, Bessarabia.

1. Раздел докторской диссертации (подготовленный в рамках семинара славистики филологического факультета Ясского университета под руководством профессора Илие Бэрбулеску).

В румынской топонимии существует множество русских слов, которые представляют собой специфически русский фонетический феномен, называемый *полногласием* (*plenison*, как именует его Хашдеу, или *Vollaut*, как обозначают его немецкие исследователи), которое выражается в наличии одной из групп *-оро-, -оло-, -ере-, -еле-* в тех словах, где в других славянских языках им соответствуют такие группы звуков, как *-ро-, -ло-, -ре-, -ле-* (см.: Соболевский, Лекции по истории русского языка. Киев, 1888, с. 22 и 23).

I. Рассмотрим полногласие *-оро-*, которое было обнаружено нами в слове Хородиште *(Horodişte)* (см.: Arhiva, XXVIII, № 1, с. 76—70), а также в следующих географических названиях:

1. Ворона *(Vorona)*[1], мужской монастырь, в государственном имении Ворона, жуд. Ботошань. Считается, что этот монастырь был основан в 1500 г. русскими монахами с помощью гетмана Илие Хора.

Ворона-Карале/Ворона Доброволски (*Vorona-Carale/Vorona Dobrovolschi*), село, расположенное в южной части коммуны Пояна-Лунгэ, жуд. Ботошань.

Ворона-Маре *(Vorona-Mare)*, село в коммуне Тудорэ, жуд. Ботошань.

Ворона-Мустяцэ (*Vorona-Musteaţă*), село, жуд. Ботошань.

Ворона-Теодор/Панкул (*Vorona-Teodor/Pancul*), село, жуд. Ботошань.

Воронец *(Voroneţ)*, монастырь в Буковине. Судя по надписи 1488 г., его построил Стефан Великий. Однако о нем упоминается в более раннем документе (1472), а село Воронец – еще раньше (1435)[2]. По словам одного из монахов, монастырь вначале назывался Корбул (*Corbul*), но после того, как он был оставлен, а затем вновь заселен монахами из Румынии, из монастыря Ворона *(Vorona)*, жуд. Ботошань, волости Сирет, он получил название Чернэуць *(Cernăuţi)*. Этот старый монах сказал, что поблизости в древности был (и сейчас есть) ручей Апа Корбулуй (*Apa Corbului*), который молодежь и иностранцы называют Воронец *(Voroneţ)*[3]. Ион Некулче в своем произведении «Избранные слова» («O samă de cuvinte. Letopiseţul Ţării Moldovei») говорит о том, что Стефан Великий возвел этот монастырь после битвы при Рэзбоенах, после призыва старого отшельника.

Воронкова (*Voroncova*)[4] (см. Слобозия Воронкова/*Slobozia Voroncova*) русск., рум. Воронкэу, село в жуд. Сорока.

---

1. Marele Dicţionar Geografic al României, vol. V, fasc. IV-a, p. 716.
2. Werenka Daniel, Topographie der Bukowina, p. 119, 120.
3. Цит по: Frunzescu, Dictionar Topografic al României, Bucureşti, 1872, p. 530.
4. Dicţionarul geografic al Basarabiei, p. 229.

Воронковэнь (*Voroncovăni*), хутор в жуд. Сорока.

Вороновица (*Voronoviţa*), село в жуд. Хотин.

Эти названия, как видно, распространены только в жуд. Ботошань, на юге Буковины и в жуд. Хотин и Сорока в Бессарабии, то есть в центре древней Молдовы. Этимологически их следует связывать с русск. *ворон* (сущ. м. р.), *ворона* (сущ. ж. р.), *воронец* - трава св. Христофора (нем. *das Christophskraut*, лат. *Actáea*), *воронка* (лейка), *вороно́й 'черный'*[1] (прил., о коне). Кроме того, в этом контексте, в соответствии с устной традицией, следует говорить о Воронце (Voroneţ) как месте, которое называется также Корбул (*Corbul*), и значение здесь сохранилось то же, что и в словах *ворон, черный*[2]. Название Черновцы (*Cernăuţi*) также восходит к русск. корню *-черн-*.

В южнославянских языках (болг., серб.) этим словам соответствует *врана*, с тем же значением, что и в русском, и отражается в топонимии Мунтении в следующих названиях:

Вранча (*Vrancea*)[3], плоскогорье в жуд. Путна. Принадлежала Мунтении до 1475 г. Когда Стефан Великий, господарь Молдовы, установил границу между двумя странами по реке Милков, Вранча перешла к Молдове.

Вранча, Подул Вранчей (*Vrancea*[4]*, Podul-Vrancei*), часть села Мэнэстиря Кашинулуй, жуд. Бакэу, пласа Тротушул.

---

1. Miklosich Fr. Dictionnaire de six langues slaves. Vienne, 1885, p. 92.

2. Существует также растение под названием *вороник*. См.: B. P. Haşdeu, Dicţ. limbii istorice şi poporane a Românilor. Tomul III, fasc. III, Bucureşti, 1896. В колонке 3086 говорится, что это название является синонимом слова, которое приводит др. Брынза в Prodrom, p. 398 – *bălțătură* (*Marrabium vulgare*); данное пестрое растение оправдывает свое название (*bălțătură* в пер. с рум. – пестрота).

3. J. N. Stevovitch в Dictionna're pocht serbe-frangais (Belgrade, 1885, p. 39): *vran* (прил.) – черный как уголь; *vranjac-vranj* – черно, как отверстие для чопа в бочке; *vrană de butie* – черно, как под чопом в бочке; *vran corb* – черный ворон; *vranac* – черный, гнедой конь.

Н. Марков в *Българско-френски речник* (Пловдив, 1898. Ч. 1, с. 55): врана – ворона; врана, вранка – воронка, лейка, черно, как отверстие для чопа в бочке; вранен – темный, смуглый; вранек – черный конь.

4. По Хашдеу, название *Vrancea* дакийского происхождения; с этой формой в санскрите соотносится *varana* – стена и дерево, от корня *var-u'a* 'покрывать', которое дало *var:aha* 'гора' и *vâra* 'груда, куча'. Это связано с обыкновением первобытных народов располагать свои поселения в основном на возвышенных местах или посреди леса; так, в нем. *Berg*, слав. *город, гора* и *лес – гора* (цит. по: *Cantanu M., Condrea A.* Dicţ. geogr. al jud. Putna, p. 391).

Врэнчень (*Vrănceni*[1]), село в жуд. Бакэу, коммуна Богдана.

Врэнчоая (*Vrăncioaia*), хутор в жуд. Путна, коммуна Негриешть.

Врэнешть (*Vrăneşti*), сельская коммуна, жуд. Мусчел.

Данное слово встречается и в географических названиях Болгарии, а именно: *Враниловци*, село общины Враниловци, Габровская околия, округ Севлиево; *Вранжак*, село общины Вранжак, околия Бяла Слатина, округ Рахово; *Вранжа-Стена*, село в околии Дивлия, округ Кюстендил (Списък на населените места по преброяването на 1 януари 1881 г. София, 1885, с. 14). Оно отсутствует в топонимии Трансильвании, Молдовы и Буковины, где мной обнаружена русская форма, однако встречается (только один раз) в форме *Vrăneşti* в Бессарабии, жуд. Бэлць (*Grigoroviţa.* Dicţ. Geogr. al Basarabiei, p. 230).

От русского слова *Ворона* образуются различные формы с помощью суффиксов *-eţ, -cova, -covăni, -oviţa*, а также от южнославянского *врана* за счет суффиксов *-cea* (болгарского происхождения)*, -ceni, -cioaia, -eşti*. Понятно, что они находятся в связи с сущ. *ворон, ворона* и с прил. *черный*. История говорит о том, что прежде монастырь Воронец *(Voroneţ)* назывался Корбул (*Corbul*), позднее именовался *Чернэуць* (*Cernăuţi*) (см. выше о названии *Voroneţ*), конечно, в связи со своим внешним видом, когда он почернел от старости, точно так же, как по подобной причине одна из церквей Брашова называлась *черной церковью*. Речка Воронец (*Voroneţ*) называлась Апа Корбулуй (*Apa Corbului*), досл. «вода во́рона», возможно, из-за своего внешнего вида, поскольку она протекала через большой лес, чьи ветви плохо пропускали свет, и вода казалась темной. Что касается Вранчи (*Vrancea*), может быть, следует соотнести это название с обычаем, перенятым болгарами у византийцев в общем ряду культурных традиций, обозначать словом *'черный'* более отдаленные и менее известные страны или же по «обычаю всех тюркских народов выделять доминирующее местоположение или центр с помощью эпитета *белый*. Страна, находившаяся в подчинении, называлась *черной*, в отличие от собственной или доминирующей страны — *белой*» (*Hașdeu B.P.* Etymologicum *Magnum Romaniae*. Tomul VI, lntroducerea, p. XLVIII). В этом случае названия *Vrancea* и *Vrăneşti* необходимо связывать со значением 'черный'[2].

---

1. Существуют также фамильные имена *Vrănceanu* и *Vranciu*. Существительное *Vrăncian* бытует как фамилия уже во времена Стефана Великого (Bogdan I. Doc. Lui Ștefan cel Mare, I, p. 160).

2. См.: Cihac A. *Dictionnaire d' étymologie daco-romane*. Francfort sur Main, 1879. На с. 465 он дает слово *vraniță* как *vramniță* (для слова *vratniță*), сущ. = дверь < *vreți* – *vra* = закрывать.

Damé Fr. *Nouveau Dictionaire roumain-français*. Bucarest, 1895.

2. Сторожинец *(Storojineţ),* село в Буковине, подаренное господарем Романом Петру Томину в 1448 г. (см.: Daniel Werenka, указ. соч., p. 98).

Восходит к русск. слову *сторож*, которому в южнославянских языках соответствуют *стража*[1]*, стражар, страж* – охрана, сторож[2].

Нигде более на румынских землях мы не найдем ни названия *Storojineţ*, ни названия *Storoja*, как находим *Voroneţ – Vorona, Soloneţ – Solona* (см. далее), зато обнаруживаем:

Стража (*Straja*), село в жуд. Бакэу.

Стража (*Straja*), село в жуд. Нямц.

Стража (*Straja*), холм в жуд. Мехединць, коммуна Стрехая. Наблюдательный пункт, окруженный двумя природными рвами, представляет собой стратегическое местоположение. Некогда это место использовалось войскам, которые охраняли замок, находящийся во дворе монастыря Стрехая. С исторической точки зрения, холм Стража (*Straja*) и Команда (*Comanda*) связаны.

Стража (*Straja*), одна из вершин горы Петреле Роший, жуд. Сучава.

Стрежеску (*Strejescu*[3]), хутор, жуд. Путна.

Стража (*Straja*[4]), коммуна, графство (комитат) Алба де Жос, округ Винца де Жос, Трансильвания.

Стрежа-Кырцишоара (*Streja-Cîrţişoara*), графство Фэгэраш, округ Арпаш.

Стража (*Straja*), село в Буковине, которое, как свидетельствует один из документов 1490 г., Стефан Великий подарил монастырю Путна (Werenka Daniel, указ. соч., p. 99).

Стрежень (*Strejeni*), хутор, жуд. Бузэу.

Стрежешть (*Strejeşti*), железнодорожная станция, жуд. Романаць.

Стрежешть (*Strejeşti*), холм, жуд. Романаць.

Стрежештий де Жос (*Strejeştii de Jos*), сельская коммуна, жуд. Романаць.

---

1. Марков Н., указ. соч., с. 467: болг. *стража* = охрана, караул, пикет; *стражар* = жандарм, охранник, *сторож; страж* = сторож, охрана.

Stevovitch J. N., указ. соч., p. 414: стражар = сторож, стражник.

Cihac A., указ. соч., p. 371: приводит слово *storoș, storăș,* сущ. = охранник, официальный служащий у высокого чиновника. Не указывает место, где данное слово найдено (возможно, в разговорную речь оно вошло во время введенных у нас правил. Отсутствует у Damé).

2. Marele Dicţionar Geografic al României, vol. V, fasc. III, p. 477.

3. Бытуют и фамильные имена *Straja* и *Străjescu*, а также *Stroja*, которое, похоже, является польской формой славянского слова *стража*.

4. См. также: Mazăre Nicolae. Harta Etnografică a Transilvaniei. Iași, 1909, p. 74.

Стрежештий де Сус/де Дял (*Strejeştii de Sus/de Deal*), сельская коммуна, жуд. Романаць.

Как видно из изложенного, название Стража (*Straja*) и производные от него, образованные с помощью суффиксов *-esca, -eşti, -eni*, распространены по всей румынской территории – от Буковины до жуд. Мехединць, однако отсутствуют, возможно случайно, в Бессарабии. Зарегистрированы в качестве топонимических наименований и у соседей-славян, например в Болгарии:

Стража, село, община Кулфалар, околия Шумен, округ Тырново.

Стражица-Кадыкёй, община Стражица, околия Кесарево, округ Тырново (Statistica bulgară, p. 64).

3. Сорочень *(Soroceni),* село, жуд. Ботошань.

Сорока (*Soroca*), жудец и резиденция жудеца в Бессарабии. Поблизости от города, в имении Грэдиштя (русские называют его Хородиштя), находятся остатки древней скальной христианской церкви. Селение существовало во времена Стефана Великого.

Это русское слово: русск. *сорока* (сущ. ж. р.), ср. с *сорочка* (сущ. ж. р.) ‘рубашка’ (*Grigoroviţa*, указ. соч., p. 646), которым соответствуют: в западнослав. языках *svraka*, ср. в болг. *сврака*, серб. *сврака* (Miklosich, указ. соч., p. 794) в значении ‘сорока’. От русинского слова *сорóка*, обозначающего птицу с пестрыми перьями, до русск. *сорочка* ‘полотняная рубашка, шитая разноцветными нитками’ (см.: Cihac A., указ. соч., p. 354, 429), большого различия не наблюдается. Эту птицу только в Буковине и Молдове называют так, а местами ее именуют даже *sarc*ă.

Географическое распространение термина *soroca* с суффиксом *-eni* является очень узким и сводится лишь к двум наименованиям только в Молдове (речь идет о древней Молдове между Карпатами и Днестром[1]). Мы не находим в румынской топонимии соответствующую южнославянскую форму.

4. Коровья (*Corovia),* село и речка в Буковине[2]. Судя по всему, в Молдове это слово бытует в форме *Corogea* (*v + i + a* перешло в *gea*), например *Corogea*[3], речка, жуд. Ботошань. В древние летописи вошла под названием *Corova*. Здесь в 1518 г. произошло сражение между Стефаницей, племянником Стефана Великого, и татарами, объединившимися с турками.

Короджа (*Corogea*), холм, жуд. Ботошань.

---

1. См.: Marele Dicționar Geografic al României, vol. V, fasc. III, p. 422, 451, 416, 417;

Dicționarul Geografic al Basarabiei, p. 193.

2. Werenka D., указ. соч., p. 50.

3. Marele Dicționar Geografic al României, vol. II, fasc. VI, p. 665, 666.

Короджа (*Corogea*), холм, жуд. Ботошань.

Короджа (*Corogea*), пруд, коммуна Рынгилешть, жуд. Ботошань.

Короджа (*Corogea*), долина, жуд. Ботошань.

Апа Кородженилор (*Apa Corogenilor*) (см. *Curugenilor*)[1], ручей, коммуна Рэучешть, жуд. Нямц.

Куруджа (*Curugea*), холм, обл. Оглинзилор, жуд. Нямц.

Куруджа (*Curugea*), источник с минеральной водой, жуд. Нямц.

Коровья (*Corovia*), Корова (*Corova*), Короджа (*Corogea*), Куруджа (*Curugea*) находятся только на молдавской земле, а именно в Буковине и в жуд. Ботошань и Нямц. Это русские формы, восходящие к слову *корова*[2]. В других славянских языках ему соответствует *krava/* крава, чего мы не находим нигде в румынской топонимии.

У Миклошича (Miklosich, указ. соч., p. 131) и Бернекера (Bernecker, Etymologisches Wörterbuch, p. 574) находим также следующие слова: сербск. *коров* = *Untraut* (сорняк) и венг. *koró*. Если допустить, что это сербское слово (то есть южнославянское) в нашем языке, то оно должно было бы обнаружиться как географическое название и в Мунтении, а венгерское *koró* давало бы *Korău*, ср. *bako* > *Bacău* (в некоторых документах *Bacovia*); *Brassó* – венгерская форма для *Braşov* (в документах – *Braşău*).

II. Полногласие *-olo-* находится в следующих названиях:

1. Солонецул *(Soloneţul)*[3], село в жуд. Яссы

Солонецул (*Soloneţul*), ручей в жуд. Яссы.

Солонецул (*Soloneţul*), остров, жуд. Тулча.

Солонцул (*Solonţul*), сельская коммуна (жуд. Бакэу), сформированная из 5 хуторов, один из которых называется Сэрата. В данной коммуне есть соленая вода (около 5 источников).

Солонцул (*Solonţul*), село, жуд. Бакэу. На его территории находится источник с соленой водой.

Солонцул (*Solonţul*), или Солонцул-Маре (*Solonţul-Mare*), речка, жуд. Бакэу. Среди ее притоков есть также небольшие ручьи Солонцул Мик (*Solonţul-Mic*) и Сэрата (*Sărata*).

Солонецул (*Soloneţul*)[4], село в жуд. Сорока.

Солонецул (*Soloneţul*), небольшая речка в жуд. Сорока.

Солонецул-Рошиетичь (*Soloneţul-Roşietici*), село в жуд. Сорока.

---

1. Возможно, здесь наблюдается то же явление перехода *-oro* в *-uru*, что и в словах *Suruceanul*, *Suruceni*, представленные в топонимии Бессарабии (ср. также *Suric*, *Suricea*, Бендерский жуд., Кишиневский жуд.).

2. Ср.: растение *coada vacii* называют также *corovatic*.

3. Marele Dicționar Geografic al României, vol. V, fasc. III, p. 450, 451.

4. Dicționarul Geografic al Basarabiei, p. 193.

Валя Солонецулуй (*Valea Soloneţului*), долина в жуд. Сорока.

Солонецул (*Soloneţul*), долина в жуд. Сорока.

Солончень (*Solonceni*), русск. Солончаны, село в жуд. Орхей.

Солонец (*Soloneţ*)[1], село в Буковине, чье население выросло за счет поселения в нем колонистов из Ардяла.

Солонец (*Soloneţ*), небольшая речка в Буковине.

Солона Добыка (*Solona Dobîca*)[2], название коммуны и комитата (графства) в Трансильвании, округ Чаки-Гырбэу.

В румынском языке это топонимы русского происхождения. Следует связывать их с русск. *солончак* (Miklosich, указ. соч., p. 790; Grigoroviţa, Dicţionar rus-român, p. 644) = почва, содержащая соль. В данном слове наблюдается не что иное, как полногласие, ср. южнослав. (сербск.) *сланак* = соленый источник.

Это, вне всякого сомнения, этимология данного слова. Русское слово идентично южнославянскому по значению, и мы точно так же заимствовали его и используем, поскольку, как видно из изложенного, приведенные названия обозначают именно те места, которые богаты солеными источниками.

Наряду с топонимом Солонец/Солонц (Soloneţ/Solonţ) у нас есть и иная форма, южнославянская: Слэник/Слэничел/Слатина *(Slănic/Slănicel/Slatina)* и др. для наименования подобных мест:

Слэникул (*Slănicul*)[3], или Слэничелул (*Slănicelul*), село, жуд. Бакэу.

Слэникул (*Slănicul*), бальнеологический курорт, жуд. Бакэу. За горой Чербу находится Пояна-Саратэ (*Poiana-Sarată*), прекрасное место для экскурсий. Этот курорт богат солеными источниками.

Слэникул (*Slănicul*), река, жуд. Бакэу.

Слэникул (*Slănicul*), горный хребет, жуд. Бакэу.

Слэникул (*Slănicul*), лес, жуд. Бэкэу.

Слэникул (*Slănicul*), плоскогорье в жуд. Бузэу, соседствующий на востоке с рекой Сарат, на юге – с пласой Сарата. Среди расположенных здесь коммун находится и коммуна Сэрулешть (*Săruleşti*). Данный участок богат солью.

Слэникул (*Slănicul*), река в жуд. Бузэу. В ней очень соленая вода, поэтому в окрестностях не используют каменную соль. Среди ее притоков – Изворул Сэрат (*Izvorul Sărat*).

Слэникул (*Slănicul*), городская коммуна, жуд. Прахова. В этой местности множество источников с соленой водой и богатых соляных копей.

Слэникул (*Slănicul*), рукав реки, жуд. Прахова. Почти на всем сво-

1. Werenka D., указ. соч., p. 96.
2. Mazăre N., указ. соч., p. 73.
3. Marele Dicționar Geografic al României, vol. V, fasc. III, p. 424—433.

ем протяжении Слэникул протекает среди соляных отложений.

Слэникул (*Slănicul*), железнодорожная станция, жуд. Прахова.

Слэникул (*Slănicul*), крупный солончак, жуд. Прахова.

Слэникул Вэрбилэу (*Slănicul Vărbilău*), частная собственность, жуд. Прахова.

Слэникул (*Slănicul*), сельская коммуна, жуд. Мусчел; расположена на обоих берегах реки Слэникул. В северной части находится много соленых источников.

Слатина (*Slatina*)[1], монастырь, жуд. Сучава.

Слэтиоара (*Slătioara*), или Валя Слатиней (*Valea Slatinei*), село, жуд. Сучава.

Слэтиоареле (*Slătioarele*), село, жуд. Яломица.

Слэтинянка (*Slătineanca*), частная собственность, жуд. Мусчел.

Слатина (*Slatina*), село, жуд. Мусчел.

Слатина (*Slatina*), городская коммуна, жуд. Олт.

Слатина (*Slatina*), железнодорожная станция, жуд. Олт.

Слэтиоареле (*Slătioarele*),сельская коммуна, жуд. Арджеш.

Слэтиоареле (*Slătioarele*), скит, жуд. Вылча.

Слэтиоареле (*Slătioarele*), хутор, жуд. Вылча.

Слэтиоара (*Slătioara*), сельская коммуна, жуд. Вылча. Богата солеными источниками. Местные помещики занимаются перевозкой соли из Окнеле-Марь.

Слэтиоара (*Slătioara*), сельская коммуна, жуд. Романаць.

В то время как соответствующее русское слово встречается в ограниченном ареале (в жуд. Яшь, Бакэу, Сорока, Орхей, Тулча, а также в Буковине), который даже не достигает южной границы Молдовы (поскольку не встречается ниже Бакэу), южнославянское слово одинаково часто встречается и в Молдове, и в Мунтении (на очень отдаленных молдавских территориях, таких, как Слатина (*Slatina*) и Слэтиоарэ (*Slătioara*), обе в жуд. Сучава). Это говорит о более широком и сильном влиянии южнославянского элемента, который, однако, полностью отсутствует в топонимии Трансильвании.

2. Заболотень-Фотей *(Zaboloteni-Fotei)*[2], село, жуд. Яссы, расположено на берегу Прута.

Заболотень-Стурзоаей (*Zaboloteni-Sturzoaiei*), село, жуд. Яссы, расположено на берегу Прута.

Zaboloteni – слово, состоящее из приставки за- (= по ту сторону) и корня русск. сущ. *болото*, которому в южнославянских языках соответствует сущ. *блато* (рум. *baltă*). Топоним имеет значение ‘посе-

1. Marele Dicționar Geografic al României, vol. V, fasc. III, p. 418—422, 434, 435.

2. Marele Dicționar Geografic al României, vol. V, fasc. IV, p. 781.

ление, находящееся за болотом' (люди, живущие на берегу Прута, называют эти воды *baltă*). В русской форме не встречается на румынской территории, за исключением Бессарабии:

Болоата (*Boloata*)[1], речка, которая разливается весной, жуд. Сорока.

Болоата (*Boloata*), долина, жуд. Сорока.

Болотина (*Bolotina*), болото, жуд. Бельцы.

Болотина (*Bolotina*), большое село, жуд. Бельцы.

Относительно различных частей Румынии «Marele Dicţionar Geografic al României» дает сведения о том, что формы соответствуют южнославянским словам *Bălteni, Baltă, Băltişoara, Băltiş, Băltău*. Там, где мной обнаружена русская форма, например в Бессарабии, целый жудец (уезд) назван Бельцы *(Bălţi)*. Ср. южнославянские (болгарские) топонимы: *Блатец*, село, околия Кюстендил, округ Кюстендил, община Лозно; *Блатешница*, село, община Жабляно, околия Радомир, округ Кюстендил; *Блато*, село, община Голем, околия Вырбовник, округ Дупница-Кюстендил (см. Списъка на населените места…, с. 8).

3. Волосень *(Voloseni)*[2], село, расположенное в долине Волосень. В старину здесь существовало поместье, называвшееся так же (оно прекратило свое существование, но неизвестно, когда и почему), от которого данное село переняло название. Есть сведения лишь о том, что во времена Стефана Томши село Волосень входило в округ Стэнилешть.

В фонетическом отношении слово имеет русское оформление: русск. *волос* (болг. *влас* = волос, см. Марков Н., указ. соч., с. 49; сербск. *влас* = волос, прил. *власан* = волосатый; *власи*[3] – сущ. мн. ч., см. Stevovitch J. N., указ. соч., с. 36). Ср. также русск. *во́лосень* (сущ. ж. р.) = венок, венец (*Grigoroviţa*, указ. соч., p. 77).

Русский корень *волос-* (*volos-*) в румынской топонимике является единичным случаем, в отличие от своих южнославянских соответствий:

Влэсинешть (*Vlăsineşti*)[4], сельская коммуна, жуд. Дорохой.

Влэсинешть (*Vlăsineşti*), село, жуд. Дорохой.

Влэсия (*Vlăsia*), речка, жуд. Илфов. Она маловодна и поросла камышом. Возможно, заросли камыша вызывали ассоциации с волосами.

---

1. Dicționarul Geografic al Basarabiei, p. 33.
2. Marele Dicționar Geografic al României, vol. V, fasc. III, p. 451.
3. В славянских языках есть также и форма мн. ч. *влахи* от сущ. *влах*, однако в этимологическом отношении это слово не связано с нашим.
4. Перечень населенных мест…

Влэсия (*Vlăsia*), большой лес, жуд. Илфов.

Ср. также болгарские топонимы:

Власи, село, община Борово, околия Цариброд, округ Трын.

Власатили, община Дишкол, околия Трявно, округ Тырново.

Власатица, село, община Власатица, околия Враца, округ Враца.

4. Волошкань *(Voloşcani)*[1], хутор, жуд. Путна.

Волошкова (*Voloşcova*), село, население которого составляют крестьяне-румыны, жуд. Хотин.

Эти названия больше нигде на румынской территории не встречаются. Они восходят к русск. *волох*. В Мунтении находим это слово в южнослав. (болг., сербск., хорватск.) форме: *влах* и *влашко* = страна волохов.

Влэскуца дин дял (*Vlăscuţa din deal*), жуд. Арджеш.

Влэскуца дин вале (*Vlăscuţa din vale*), жуд. Арджеш.

Влашка (*Vlaşca*), жуд. в Мунтении.

В Трансильвании:

Влаха (*Vlaha*), коммуна в графстве (комитат) Кожокна, округ Джилэу.

Ср. с болгарскими топонимами:

Влашица, село, община Горня, околия Оряховица, округ Тырново.

Влашка-*Махала*, село, община Василовци, околия Лом-Паланка, округ Лом-Паланка.

Влашка Раковица, село, община Врыв, околия Видин, округ Видин.

Влашко се́ло, село, община Чипоровци, околия Берковица, округ Лом-Паланка.

III. Полногласие *-ere-* находится в словах:

Березень (*Berezeni*)[2], немецкая колония, жуд. Аккерман.

Березлоджь (*Berezlogi*), село, жуд. Орхей.

Березолул (*Berezolul*), долина, граница между Кишиневским жуд. и Бендерским жуд.

Березана (*Berezana*)[3], село, жуд. Тутова.

Березень (*Berezeni*), сельская коммуна, жуд. Фэлчиу.

Березень (*Berezeni*), село, жуд. Фэлчиу, расположено на Припрутской равнине.

Березень (*Berezeni*), село, жуд. Фэлчиу, расположено на Припрутском плато, через его центр протекает речка Березешть (*Berezeşti*).

Березень (*Berezeni*), болото, жуд. Фэлчиу.

Березень (*Berezeni*), курган в северной части села Березень (*Berezeni*). Считается, что он был насыпан в 1711 г., во время битвы

1. Marele Dicționar Geografic al României.
2. Dicționarul Geografic al Basarabiei, p. 28.
3. Marele Dicționar Geografic al României, vol. I, fasc. III, p. 382, 383.

при Станилештах (Stănileşti).

Березень (*Berezeni*), речка, жуд. Фэлчиу.

Березлоджь (*Berezlogi*), село, жуд, Сучава, расположено на плоскогорье с тем же названием, окружено большими лесами, состоящими из буков и дубов (возможно, раньше – и берез, в связи с чем и появилось это название).

Березлоджь (*Berezlogi*), холм, коммуна Леспезь, жуд. Сучава.

Березлоджь (*Berezlogi*), поместье в жуд. Сучава, по большей части покрыто лесом.

Березна (*Berezna*), место в жуд. Дорохой, вблизи села Дерска, коммуны с таким же названием, пласа Берхометеле, где находится старинный ров, заполненный водой… Земля, образовавшаяся при рытье этого рва, сформировала вал на его западном берегу… Задняя сторона вала поросла большим лесом. Устная традиция говорит о том, что некогда здесь стояла крепость, ворота которой располагались в овраге.

Русским словам *берёза* (дерево), *березняк/*березник (берёзовый лес) в южнославянских языках соответствуют (см.: Miklosich, указ. соч., p. 28): болг. *бреза, брезова гора*; в сербск. – *бреза, брезик* и *брезовина* в тех же значениях. Рум. прил. *breaz* также связывается со словом береза (см.: Şeineanu, Dicţionarul Univ.; Tiktin, Rumănisch. Deutsches Wörtesbuch, p. 223).

Русское название встречаем только в Молдове, в то время как топонимы южнославянского происхождения находятся повсюду как в Мунтении, так и в Молдове[1]: в жуд. Нямц (6 раз), Сучава (1), Бузэу (4), Прахова (5), Влашка (1) – в форме *Breaza*; в жуд. Яссы (4), жуд. Тулча (2), жуд. Мусчел (1) – в форме *Breazul*. В Трансильвании: коммуна *Breaza*[2], графство (комитат) Фэгэраш, округ Фэгэраш; *Breazova*, коммуна, графство Хацэг. У соседей-славян находим: у русских – *Березина*, а у болгар – *Брезово*, округ Тырново и *Брезово-дол*, Софийский округ.

На основе всего вышеизложенного мы можем сделать ряд выводов.

Исходя из их славянского происхождения, фонетического оформления, русской характеристики, а также в соответствии с устной традицией и сообщениями местных жителей о каждом из них можно заключить, что русскими элементами, представляющими фонетическое явление, называемое полногласием, в румынской топони-

1. Ср. с *Berza* (слово представляет первое полногласие), село, жуд. Ботошань, и *Berza*, холм в том же жудеце, и *Berzuoţul*, сельская коммуна, село, монастырь XVI в., поместье, лес и речка в южной части жуд. Бакэу.

2. Mazăre N., указ. соч., p. 60.

мике являются следующие слова:

Vorona/Voroneţ, Storojineţ, Soroca/Soroceni, Corova/Corovia/Corogeni, Solona/Soloneţ/Solonţ, Bolotina/Zaboloteni, Voloşeni, Voloşcova/Voloşcani, Berezana/Berezeni/Berezlogi. Они встречаются только в Буковине, Бессарабии (вплоть до Бендерского жуд.: местность Березоюл (*Berezoiul*) и тут же Березень (*Berezeni*) – немецкая колония, следовательно, новое поселение) и в Молдове, в Закарпатье и за Прутом (в южном направлении, до жуд. Путна, пласа Вранча – *Voloşcani* и жуд. Фэлчиу – *Berezeni*), то есть на территории старой Молдовы.

На землях Мунтении и Трансильвании обнаруживаются южнославянские географические названия, соответствующие русским топонимам Молдовы, а именно: *Vrane*şti/*Vrancea/Vrănceni/ Vrancioaia, Straja/Straje*şti/*Streje*şti, *Slănic (Slatina/Slătioara), Vlăscuţa/Vlaşca, Vlăsine*şti/*Vlăsia, Breaza/Breazul, Bălţeni-Bălţi* и др. Отсутствуют соответствия для русских слов *Corovia* и *Soroca*, которые должны бы иметь вид Крава и Срака (возможно, это лишь случайность), Для молд. *Soroceni/Soroca* (в разговорной речи часто ţarcă и *sarcă*) в Мунтении очень часто встречается название *Coţofeni* (*Coţofăne*şti и т. д.) и только один раз на территории, которую можно считать переходной[1] с точки зрения диалекта и даже топонимики (*Coţofăne*şti – населенный пункт в жуд. Путна).

В то время как географические названия русского характера находятся только в Молдове (речь идет о старой Молдове – между Карпатами и Днестром) до жуд. Путна, Фэлчиу и Бендеры, топонимы южнославянского характера преодолевают политические и диалектные границы, распространившись до самых северных пределов Молдовы, напр. *Straja*.

Топонимика страны предоставляет свидетельства относительно того, каковы были элементы, заселявшие ее. Так, в Молдове участие в заселении страны приняли русины, в то время как в Трансильвании – южные славяне (болгары и сербы).

Название Стража *(Straja)*, существующее на молдавской земле, является почти таким же древним, как и Сторожинец *(Storojineţ)*, являясь доказательством того, что и южные славяне (болгары) внесли свою лепту в заселение страны.

Слово южнославянского происхождения Слэникул *(Slănicul)*, а также названия Солонцул/Солонец *(Solonţul/Soloneţ)*, служащие для обозначения соленых источников и мест, для которых характерны

1. Относительно живого говора Южной Молдовы, который установился как переходный диалект между мунтянским диалектом и молдавским, см. Arhivă, anul XXVIII, No. 2, p. 187 (Iordan C. Lexicul graiului din Sudul Moldovei).

солончаки, показывает нам, что два народа, русские и болгары, участвовали в их наименовании.

Другие названия, такие, как Врэнешть *(Vrăneşti)*, Влэсинешть *(Vlăsineşti)*, особенно когда они обозначают человеческие поселения (не природные, которые считаются более древними) – коммуны и села, могут показать нам только болгарские населенные пункты или даже сербские, более поздние[1].

В связи с древностью явления полногласия в русском языке, о котором русские филологи[2] говорят, что его не было в русском языке до XII в., относительно топонимов, находящихся в приводимом в данной работе списке слов, можно установить, что русские ни в коем случае не могли дать эти названия ранее указанного века.

Перевод с румынского Т. В. Зайковской

Источник: Ștefănescu M. Elemente ruseşti în toponimia românescă // Arhiva. Organul Societății istorico-filologică din Iași. Anul XXVIII. Iași, 1921. Octombrie. № 2. P. 218—228.

Source: Ştefănescu, M. (1921) Elemente ruseşti în toponimia românescă [Russian elements in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societăţii istorico-filologică din Iaşi*. 2. pp. 218–228.

Штефэнеску Маргарета – профессор Ясского университета в 1920-е годы, славист, автор многочисленных работ русинской топонимике Карпато-Днестровских земель.

Margareta Ştefănescu – Professor of the University of Iași in the 1920s, slavist, author of articles on Rusin toponymys of the Carpathian-Dniester lands.

1. Ср.: Bărbulescu I. Relations des Roumains avec les Serbes, les Bulgares, les Grecs et la Croaţie. Iasi, 1912.

2. Соболевский, указ. соч., с. 22, 23.

Rusin Journal Library
Библиотека журнала «Русин»

2018. Том 9. Выпуск 2

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

— 80 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028,
а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: http://www.rusyn.md

Сайт «Библиотека журнала "Русин"»:
http://journals.tsu.ru/rusin_library

Сайт международного исторического журнала «Русин»:
http://journals.tsu.ru/rusin

Подписано к печати 28.12.2018. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 100 экз.
Заказ 134.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает в содержательное обсуждение материалов, переписку по методике написания и оформления научных статей.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.